

О чем весь город говорит

Автор:

Фэнни Флэгг

О чем весь город говорит

Фэнни Флэгг

Элмвуд-Спрингс, что в штате Миссури, – маленький городок, похожий на сотни крошечных американских городков. Но у него есть две особенности. Во-первых, его придумала Фэнни Флэгг, и это целая вселенная персонажей, раскиданных по разным романам писательницы, ставшим уже литературной классикой. А во-вторых, при городке есть кладбище, на котором происходит нечто странное и удивительное... В 1889 году молодой швед, перебравшийся в Америку, заложил первую ферму, через пару десятков лет вокруг его дома разрослась деревушка с милыми и работающими жителями. С годами деревушка превратилась в городок. Элмвуд-Спрингс рос, хорошел, в нем рождались и умирали люди, и у каждого была своя особенная история. Великолепная рассказчица Фэнни Флэгг сотворила целый мир, населенный обычными людьми, но столь уютный и обаятельный, что каждому читающему ее книги рано или поздно начинает хотеться перебраться в него. Новый роман можно назвать путеводителем по творчеству Фэнни Флэгг, в нем собрались герои многих ее книг – от «Жареных зеленых помидоров» до «На бензоколонке только девушки». Это подарок для всех, кто согласен с сентенцией Фэнни: «Жизнь – это дар, а любовь бессмертна».

Фэнни Флэгг

О чем весь город говорит

© Александр Сафронов, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление издание, 2017

* * *

Клуни Браун, которая уладит что угодно

Что ведает ворона

В городах и деревнях они просыпаются спозаранку, им не терпится поскорее заняться своим важным делом. Они собираются парами-тройками или в стаи. День напролет кружат в вышине или летают над самой землей, окликая хлопотливых людей. С деревьев, крыш и проводов вороны взывают:

Сейчас! Сейчас! Живите сейчас!

Бедняги. Им-то кажется, они говорят, а люди слышат одно:

Кар-р! Кар-р! Кар-р!

Пролог

Что вам сказать об этом городке? Окажись вы там проездом, вы, наверное, сочли бы его обычным заштатным городишкой, но это не так. Я в нем родился и вырос и потому-то уж знаю, о чем говорю. Городок, конечно, небогатый, но все мы держались друг дружки. И, прознав, что случилось с Ханной Мари, все до единого опечалились. И все это обсуждали. Каждый клялся что-нибудь сделать. Но даже в самом безумном сне нам не могло привидеться, кто именно этим

займется. И главное, каким способом. Но ежели рассказывать дальше, испортишь сюрприз. А кто не любит приятные сюрпризы? Уж я-то люблю определенно.

Друг

Ну, стало быть, начинаем...

Лорддор Нордстрём

1889

Миссури, США

В двадцать восемь лет Лорддор Нордстрём покинул родную Швецию, надумав прикупить земли в Америке. А вскоре, проезжая по югу Миссури, он увидел необъятные плодородные угодья, изобиловавшие ручьями, что в самый раз для молочной фермы. Он расчистил участок под хозяйство, через шведско-американские газеты кинул клич, приглашая молодых фермеров основать новое поселение, и вскоре кое-кто прибыл вместе с родичами и домашней скотиной. К 1880 году возникла небольшая сельская община, которую в округе прозвали Шведбургом, хотя в ней проживали два немца и один норвежец (больше смахивавший на финна).

Нынче Лорддор Нордстрём стоял на вершине невысокого холма и оглядывал неохватную ширь зеленых лугов с белыми крапинами фермерских домов. Ах, какая тишь и покой – лишь птичье пение да отдаленный перезвон коровьих колокольцев. Куда ни глянь, все радует глаз. Прямо то, что нужно.

Эту землю, думал Лордор, он наречет «Тихие луга» и преподнесет в дар общине. Спускаясь с холма, он был чрезвычайно доволен собой. Как первый поселенец, Лордор чувствовал большую ответственность за тех, кто придет после него. И вот только что он нашел идеальное место для их последнего упокоения в будущем.

За несколько дней Лордор и все местные мужчины расчистили землю на холме, а затем вчерне разметили могильные ряды. Каждый участок получил номер и регистрацию, во избежание недоразумений, на шведском и английском. На входе возвели красивую деревянную арку, украшенную цветочной резьбой и надписью КЛАДБИЩЕ ТИХИЕ ЛУГА, ОСНОВАНО В 1889.

Покончив с планировкой, Лордор созвал собрание жителей, на котором объявил: все они, первые поселенцы, получают участки безвозмездно, что, на его взгляд, только справедливо – мол, по заступке и спасибо. А вот новенькие будут платить по пятьдесят центов за могилу.

В ближайшее воскресенье все семейства уселись в повозки и отправились на холм за столбить участки. Некоторые, вроде Свенсенов, нацеленных расплодиться в большую семью, за столбили целый ряд, могил на двадцать, обеспечивая пристанищем ныне живущих и еще не родившихся.

Бёрди Свенсен прямо не нарадовалась на свой участок. Женщина музыкальная, она оценила птичий щебет и далекое звяканье колокольцев. И обзор пришелся ей по сердцу.

– Ты глянь, Ларс, – сказала она мужу, – отсюда видать нашу ферму и ветряную мельницу. Вот уж детям будет приятно нас навещать.

Мистер и миссис Генри Нотт пожелали участок с видом на кукурузные поля.

Места на холме было вдоволь, никто не призывал тесниться, но люди – рабы привычки. Все жались к соседям, с которыми обитали внизу: Лордор занял участок в центре под раскидистым дубом, остальные расположились вокруг него. То бишь все, кроме старика Юстуса Хендерсена, который отошел в сторонку и свой колышек вбил на склоне. Про него говорили, что мулы ему милее людей, а он не спорил:

– Мулы неказисты, зато при встрече не заболтают тебя насмерть.

Когда каждый выбрал себе участок, устроили пикник. Уже поспела черника, женщины напекли пирогов. Мистер Линдквист играл на скрипке, миссис Нотт – на гармонике. Славный выдался денек.

Тогда, конечно, никто знать не знал о странных и загадочных событиях, которые произойдут на холме. Даже если б кто о них сказал, ему бы в жизнь не поверили.

Любовь и женитьба

Видимо, подготовка места для блаженного успения и расчет, сколько участков зарезервировать за собой, и породили в Лордоре мысли о собственном будущем. Тридцати семи лет, мужчина в самом соку, он все еще числился в местной армии фермеров-одиночек. Нет, он не был убежденным холостяком. Просто все его время уходило на попытку превратить ничто в нечто. Пять замужних соседок были готовы хоть сейчас подыскать ему славную женщину и помочь обустроить семейный очаг, однако выбор жены – дело весьма непростое.

Сама-то идея Лордору нравилась. Несколько лет назад он, поддавшись на уговоры, решил с кем-нибудь познакомиться. Той весной он постригся у настоящего цирюльника, приобрел новехонькие башмаки из каталога и отправился в шведскую общину, что аж в канзасском Линдсборге. Но оказалось, всех славных женщин там уже разобрали. Так что домой Лордор вернулся несолоно хлебавши, если не считать новых башмаков и красивой стрижки.

В Шведбурге и впрямь ощущалась острая нехватка женщин. Даже кадрили, представьте, толком не спляшешь. На танцах мужчины по очереди повязывали руку белым платком – в знак, что сейчас они исполняют роль партнерши. Вот так подержишься за корявую, мозолистую фермерскую лапу и реальная женщина предстанет существом изящнее, мягче и прекраснее, нежели на самом деле. Вдобавок из-за женского дефицита поселок терял хороших работников.

– Если миссис Нотт покажется тебе милашкой, значит, пора сматываться, – сказал один молодой фермер, отплясав с Нэнси Нотт, пяти футов росту и трех в

обхвате. И смотался.

Если уж отважиться на вторую попытку найти славную женщину, прикинул Лордор, то сейчас самое время. Он заключил новый контракт на поставку молока и сыра железнодорожным рабочим, его финансовые перспективы вполне позволяли обеспечить жену всем необходимым. И потом, ему было одиноко. Хотелось с кем-нибудь делить только что отстроенный дом. Однако надлежащее ухаживанье за дамой отняло бы уйму времени, которого не имелось. Подсобников было мало, а молочная ферма требовала неустанного пригляда.

После очередной артельной постройки фермерского дома все уселись за длинный деревянный стол и Лордор поведал свои думы соседям.

– Слушай, Лордор, а чего ты не обратишься в эту контору... как ее... «невеста – почтой»? – с другого конца стола крикнул низенький кривоногий Генри Нотт, разводивший свиней. – Так ты получишь, чего тебе надо, без отрыва от работы.

Все женщины мгновенно всполошились.

– Ох, Лордор, это самое то! – воскликнула миссис Эгстрём.

Лордор скептически скривился, а миссис Линдквист замахала ложкой:

– Знаю, знаю, о чем ты думаешь, но в том ничего зазорного! В других краях так поступают многие, наверняка где-то полно славных шведок, которые мечтают о замужестве.

– Все верно, – подхватила Бёрди Свенсен, положив очередной кусок жареной курицы на тарелку Лордора. – И если девушка заинтересуется, она пришлет свое фото. Мы тут ее разглядим хорошенько и поможем тебе с решением.

Лордор колебался. Перед женщинами он робел, и мысль о женитьбе на абсолютной незнакомке его слегка пугала. Последней каплей стал довод миссис Нотт:

– Ты ведь не молодеешь, Лордор. Решайся!

Что ж, подумал он, попытка не пытка. И вот через неделю в чикагской шведско-американской газете появилось маленькое объявление:

ШВЕД, 37 ЛЕТ ОТ РОДУ

ИЩЕТ ШВЕДКУ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ.

ЕСТЬ ДОМ И КОРОВЫ.

ЛОРДОР НОРДСТРЁМ.

ШВЕДБУРГ, МИССУРИ.

Шведка

1889

Чикаго

Катрина Олсен, всего пять лет назад покинувшая Швецию, служила домработницей в большом чикагском семействе. Утром помогая прибираться в кухне, она заметила газетное обращение Лордора. Катрина аккуратно оторвала объявление и спрятала в карман фартука. Вечером она показала заметку Анне Ли, подруге и напарнице, с которой делила мансарду.

– Как думаешь, ответить?

– Ох, Катрина... – Анна Ли встревоженно разглядывала объявление. – Миссури... Мы даже не знаем, где это. Может, там дикие индейцы, а то и медведи. Может, этот Лордор Нордстрём злодей и урод.

– Понятное дело... – Катрина вздохнула. – Но я не хочу всю жизнь быть служанкой.

– Я тоже не хочу, да только между служанкой и женой старика фермера разница, по-моему, невелика. Вкалываешь до седьмого пота, и притом задарма. Нет уж, лучше поискать удачу среди городских парней.

Хорошенькая Катрина раз-другой встречалась с чикагскими приятелями Анны Ли, но парни эти были, на ее вкус, слишком уж лощены и говорливы. А вот мысль о тяжелой работе на собственной земле особо не пугала. Однако подружкины слова о медведях и диких индейцах и впрямь встревожили. На уроках английского они прочли все популярные американские книжки, вроде «Охотницы Бесс» и «Горной Кейт», которые повествовали об уйме смертельных опасностей, подстерегающих женщин в диких краях.

Но чем больше Катрина думала о заметке, тем сильнее она притягивала. Девушка понимала, что поездка в Миссури – весьма рискованная затея. Можно стать добычей пумы или кого похуже. Однако в объявлении сказано, что у мужчины этого есть дом. Покидая родину, Катрина дала кое-какие обещания и очень хотела их выполнить. Пожалуй, стоило рискнуть, но ведь она так долго раздумывала, что мистер Нордстрём наверняка уже кого-нибудь себе подыскал. Ладно, решила Катрина, отписать нетрудно, а там посмотрим.

Уважаемый сэр,

По вашему объявлению пишет вам шведка, двадцати четырех лет, лютеранской веры, умеющая стряпать, шить и садовничать. Прилагаю свою фотографию. Если вы серьезны в намерениях и еще свободны, пришлите, пожалуйста, ваше фото.

Искренне, Катрина Олсен.

Прошло уже много времени, однако на объявление Лордора Нордстрёма никто не откликнулся. Его заметили многие чикагские шведки, но большинство из них думали, как Анна Ли: не для того они расстались со шведской фермой, чтобы запрячься в американскую. Лордор уже почти распрощался с надеждой, когда

пришел ответ от мисс Олсен.

Вердикт

Получив фотографию мисс Олсен, Лордор в тот же день, как условились, показал ее поселковым женщинам. По такому случаю все они собрались в кухне миссис Нотт. Лордор отдал фото и получил приказ ожидать на улице, дабы не мешать свободному обмену мнениями.

Он прошел к амбару, где уже топтался мистер Нотт, тоже выдворенный из кухни, и закурил. Едва он успел досмолить сигарку, как кухонная дверь распахнулась.

– Лордор, заходи! – крикнула миссис Нотт. – А ты, Генри, стой где стоишь. Скоро буду тебя кормить.

Мистер Нотт кивнул. Он рассчитывал, что нынче отведаст колбасок с жареной картошкой. Пусть жена его не вышла наружностью, она берет тушеной кислой капустой, шницелем по-венски, огненным мясом в горшочке, лапшой в подливке и яблочными оладьями.

Лордор медленно взошел на крыльцо, готовясь выслушать вердикт. Сдернул шляпу и шагнул в дом. Ему велели сесть, пять женщин его разглядывали. От напряжения Лордор уже слегка взмок, но тут заговорила Бёрди Свенсен, самая деликатная из этой пятерки.

– Вот что, Лордор, – сказала она. – Смазливая девица сумеет одурачить мужчину, однако женщину ей не провести. Да, девушка эта миленькая, но тебе требуется жена доброго нрава.

Лордор прокашлялся:

– Пожалуй, что так.

– Ты уж поверь. И вот, после тщательного изучения, мы единодушно решили: девушка хорошего нрава. (Все женщины закивали.) И мы считаем, ты должен сейчас же ей написать, пока кто-нибудь ее не захапал.

– И потом, она лютеранка, – вклинилась миссис Линдквист. – Чего тебе еще?

Лорддор ужасно обрадовался такому решению. Женское мнение было очень важно, но в данном случае он не особо нуждался в подсказке. Девушка на фотографии его просто оглушила. Бесспорная шведка: светлые волосы заплетены в косы и уложены вокруг головы, высокий воротничок белой блузки сколот брошкой. Очень красивая девушка. Однако нечто иное сразу приковало его внимание. Выражение глаз, по которому эмигранты тотчас распознавали друг друга. Казалось, взгляд ее, полный надежды и решимости, устремлен не в объектив, а в будущее. Лорддор так долго разглядывал девушку, что лицо ее возникло перед глазами, когда он смежил веки, отходя ко сну. Наверное, это что-нибудь да значило, однако он не позволил фантазии разгуляться. Перво-наперво надо сфотографироваться, чтобы девушка получила возможность хорошенько его рассмотреть.

О господи. Одна мысль, что его будут разглядывать, приводила в содрогание. Теперь он понял, что чувствовал давеча купленный бедняга конь, у которого Лорддор, прежде чем выложить деньги, осмотрел все места и пересчитал зубы. Завтра он даст ему лишку сена. Как извинение.

Катрина Олсен

Ноябрь, 1865

Викен, Швеция

Ребенок появился на свет сильно до срока. Ингрид Олсен разродилась на берегу озера, рядом с картофельным полем, на котором работала. Хорошо знакомая с весом картошки, она прикинула, что новорожденная девочка тянет не больше чем на пять фунтов. Подруга помогла ей завернуть младенца в кусок рогожи.

Ингрид, потерявшая уже двух деток, решила, что если каким-то чудом ребенок выживет, она назовет его Катриной. Однако надежды было мало: наступала зима, а еды кот наплакал и нечем протопить дом.

Она взглянула на сморщенное личико пятифунтовой голубоглазой жизни и заплакала об ее будущем.

В 1865-м Швеция четко разделялась на классы без всяких промежуточных позиций. Если ты не имел собственной земли, ты батрачил на землевладельца и мог забыть об ином будущем для себя и своих детей.

Но кое-что случилось. Под названием Америка. Мир получил надежду. И место, где усердный труд давал хотя бы шанс на лучшую жизнь. Но в тот момент дочке Ингрид было сорок две минуты от роду и она уже проголодалась.

Катрина выжила, однако росла слабенькой и хилой. В семь лет она переболела корью, отчего на время ослепла. За несколько лет зрение постепенно вернулось, но уже не таким острым. После смерти отца Катрина сидела дома, нянчилась с младшими, братом и сестрой, а мать батрачила на полях.

Когда Катрина подросла, она стала помогать матери в стряпне и выпечке. До замужества Ингрид служила пирожницей в зажиточных домах. Но это было до того, как она влюбилась в фермера-арендатора.

К счастью, Ингрид не растеряла кулинарных навыков. Позже, когда у нее уже не осталось сил работать на картофельных полях, она продавала свою выпечку хозяевам фермы, выполняя их праздничные заказы. Но денег всегда не хватало. Часто спать ложились голодными. Оставалась единственная надежда, что кто-нибудь из них доберется до Америки и найдет работу. Конечно, следовало поехать братишке Олафу, да он был еще слишком мал. Катрина не хотела расставаться с домом, но понимала, что выбора нет.

В день отъезда она старалась не заплакать. Чтобы перед мамой выглядеть сильной. Они пешком дошли до города и стали ждать дилижанс, который отвезет Катрину к поезду в немецкий Бремен, откуда пароходом она доберется до Ливерпуля и сядет на огромный корабль, отплывающий в Америку.

Когда дилижанс подъехал, Ингрид что-то достала из фартучного кармана и тихонько сунула дочери в руку. Катрина увидела белый носовой платок, вышитый красными и синими цветочками, – подарок богатой горожанки, у которой когда-то служила мать.

– Зачем, мама? Ты же так его любишь...

Ингрид покивала и на прощанье обняла дочь.

Морское путешествие чуть не угробило Катрину. Деньги на еду кончились быстро, и к тому времени, когда корабль зашел в нью-йоркскую гавань, она так ослабела, что едва держалась на ногах.

На миграционном контроле пограничник подметил ее состояние и чуть было не завернул обратно в Швецию, но понял, что девушка эта изо всех сил пытается выглядеть здоровой и крепкой. Человек жесткий, он привык ежедневно отказывать людям, однако и ему не хватило духу противостоять этим сверкающим глазам. Пограничник ее пропустил.

В Чикаго Катрина тотчас нашла работу. В то время был большой спрос на шведских служанок. Они славились чистоплотностью, порядочностью и способностью освоить английский. В зарождавшемся высшем свете Чикаго считалось престижным иметь в услужении шведку. В красивом четырехэтажном особняке на Линкольн-парк, куда устроилась Катрина, было пять служанок.

Четыре месяца спустя Ингрид получила письмо и наконец-то смогла уснуть спокойно.

Милая моя мамочка,

Вот я и за морем. Я в Америке. Работаю в городе Чикаго. Днем тружусь, а вечерами мы с моей подругой Анной учим английский. Хозяйка меня хвалит за успехи в языке. Посылаю деньги и надеюсь, вам будет полегче. На всякую ерунду я не транжирю. Мамочка, я так по тебе скучаю. Сплю с твоим платочком. Вспоминаю, как ты помахала мне на прощанье.

Поцелуй от меня маленьких,

Катрина.

Спрингфилд, Миссури

Бедняга Лордор. Фотография, ради которой он специально съездил в Спрингфилд, его, мягко сказать, ошарашила. Во время бритья он особо не приглядывался к своему отражению в зеркале. А сейчас вот уставился на фотографию и застонал.

- Ну и уши, боже ты мой!

Зачем он позволил миссис Нотт обстричь его под горшок? Надо было пойти к цирюльнику. Щелкая ножницами, колченогая Нэнси Нотт обходила его вперевалку и постригла неровно. И вообще вид огорчительный. Он-то думал, что выглядит уже таким американцем, а с фотографии смотрел здоровенный костлявый швед, только что с корабля. Не спасал даже одолженный наряд – ни дать ни взять крестьянин от сохи. Не хватает только соломинки в зубах. Лордор поставил свой снимок рядом с фотографией мисс Олсен. Нет, ни черта не выйдет. Вон какая она изящная и благородная.

Лордор не страдал тщеславием, но ставки были слишком высоки. Может, тушью слегка замазать уши, чтоб не так сильно торчали? Но это будет нечестно, нельзя обманывать такую милую девушку. Наверное, придется послать как есть – с ушами и прочим. Лордор все оттягивал с отправкой письма, хотя женщины каждый день его понукали. Наконец они прислали Генри Нотта, назначив его на роль почтальона.

- Ты уж извини, Лордор, – сказал он. – Нэнси велела забрать письмо, а то, мол, они сами этим займутся.

С крыльца Лордор смотрел вслед соседу, и ему вдруг стало очень грустно. Он знал, что больше никогда не услышит о мисс Олсен. Он не давал надеждам

разгуляться, но невольно возмечтал о той, кого мог бы баловать, ради кого работать и к кому вечерами возвращаться домой. Но все это несбыточные грезы. Мисс Олсен глянет на фото и подивится наглости мужлана, набивающегося к ней в мужья.

Мужчина в котелке

Когда пришло письмо от Лордора, Катрина опрометью выскочила из столовой, где накрывала обед, и взбежала к себе в комнату. Поспешно вскрыла конверт и посмотрела фотографию. Рослый светловолосый мужчина застыл в неестественной позе, подсказанной фотографом. Неулыбчивый, ясные голубые глаза смотрят прямо в объектив. Катрина отметила его очень чистые руки. Это понравилось. В ее крестьянской семье у всех были руки с въевшейся грязью.

Дорогая мисс Олсен,

Ваше письмо и фотография взбудоражили нашу маленькую общину. По мне, вы прямо ангел, а те, кто видел ваш снимок, говорят, что вы слишком хороши для простого хозяина молочной фермы. Наверное, так оно и есть. Однако я посылаю вам свое фото и – на случай, если произойдет чудо и моя рожа вас не отпугнет, – прилагаю несколько слов обо мне. Я не мастер себя характеризовать, но вот друзья мои захотели сделать это вместо меня.

Искренне ваш, Лордор Нордстрём.

Катрина прочла три вложенных письма:

Дорогая мисс Олсен,

Я подтверждаю, что на фотографии тот самый Лордор Нордстрём, от кого вам письмо. Вот так он сейчас и выглядит. Мы с мужем давно с ним знакомы. В

Швеции знали его родных. Он хороший человек, надежный и верный, и стал бы вам прекрасным мужем. По природе он застенчив, но сердце у него доброе. Приезжайте в Миссури и дайте ему шанс на семейное счастье.

От души написала миссис Свар Линдквист.

Мисс Олсен,

Лордору Нордстрёму нужна жена. У него крепкий дом с верандой, который вам понравится. Человек он набожный и очень ловко складывает цифры. У нас тут хорошо, много воды и плодородного суглинка. Мы держим свиней. Одну подарим вам на свадьбу. Лордор хороший едок, у него все зубы целы.

Миссис Г. Нотт.

Дражайшая мисс Олсен,

Я добавляю строки к сему письму, надеюсь, что вы сообразовите выбрать нашего друга Лордора Нордстрёма себе в мужа. У него прекрасная молочная ферма, что через поле от нас, но он чрезвычайно нуждается в жене и крепких сыновьях-помощниках. Мне очень понравилось ваше фото. Сразу видно, вы женщина добродетельная. И очень похожи на моих стокгольмских кузин. Муж мой прилагает карту нашего штата, чтоб вы поняли, где нас искать.

У нас в доме есть пианино. Вы играете? Если нет, я вас обучу. В нетерпеливом волнении все мы ждем вашего положительного ответа. Мисс Олсен, приезжайте и выходите за Лордора. Обещаю, вас примут сердечно и обходительно. Здесь не то что в Швеции. Мы не позволяем мужчинам править железной рукой. Все мы – свободные американки штата Миссури.

С полной искренностью, миссис Бёрди Свенсен.

Катрина снова посмотрела на фото. С виду человек добрый, но как будто не в своей тарелке. Она не знала, что спрингфилдский фотограф держал особый

гардероб для потенциальных женихов, дабы те выглядели достойно и респектабельно. Но самый большой костюм оказался на два размера меньше нужного, а черный котелок уселся лишь на макушку. Лорддор и впрямь был не в своей тарелке. Он дышал-то с трудом.

Миссури

Дорогая мисс Олсен,

Я ужасно рад вашему письму. Соседи говорят, мой восторженный вопль слышали за пять миль. Я лелею надежду, что ваш любезный ответ – знак, что я преодолел первый из множества ожидающих меня барьеров. Ну прямо гора с плеч – вы не сочли меня страшилищем, кому другой раз не напишешь.

Да, внешность у меня подгуляла, но вашей-то красоты достанет на двоих. Я увлеченно ознакомился со сведениями, какие вы о себе сообщили, и нахожу их в высшей степени подходящими.

Конечно, я охотно отвечу на ваши вопросы. Я не был женат. Детей не имею, не курю, выпиваю только по праздникам. В карты не играю, но, случалось, делал ставки на метание подковы. По четвертаку, не больше. Образование у меня всего пять классов, и потому я знаю все, что можно знать о коровах, но словарный запас мой бедноват. К счастью для меня, в запасе коров вообще одно слово, и потому они не в обиде.

Я тоже считаю, что чистоплотность сродни благочестию, и люблю чистоту в доме, но, поскольку я мужчина, частенько бываю неряхой.

В основе своей я лютеранин, однако порой захоживаю в методистскую церковь. Что касемо веры, а также дальнейшего образования, я с безропотной готовностью последую указанным вами путем.

Ваш преданный слуга Лорддор Нордстрём.

Любовь Катрины к чистоте импонировала. Лордор сразу подметил, что в Америке чистоплотность не в чести. Однажды, заночевав в гостинице канзасского Додж-Сити, он спросил чистое полотенце, и портье возмутился:

– До вас им пользовались двадцать пять человек, и только вы недовольны!

В последующие дни все встречные приветствовали Лордора вопросом:

– Ну что, мисс Олсен надумала?

Обмен письмами продолжался. Но, видимо, последнее письмо и подтолкнуло Катрину к решению.

Дорогая мисс Олсен,

Хочу сообщить, что в прошлом году мы с моим соседом Ларсом Свенсенем заказали четырех шведских рыжих коров, которые нынче благополучно прибыли с нашей родины. Все говорят, они просто красавицы. Я надеюсь, вы одобрите эту покупку, ибо ферма наполовину ваша. Вам нужно лишь приехать и заявить свои права на хозяйство, которым управляет неказистый фермер.

Лордор Нордстрём.

Тем вечером она сказала Анне Ли, что решила, однако медлила дать положительный ответ в письме. Ибо кое-что о себе утаила. Анна Ли уговаривала ее сохранить это в тайне. Но, сев за письмо к Лордору, Катрина вновь спросила:

– Анна, ты вправду уверена, что не надо его извещать?

– Даже не вздумай. Я лучше разбираюсь в мужчинах. Все они мечтают об идеальной жене, и если хочешь его заполучить, сперва зааркань... а уж потом извещай.

Когда пришло письмо от Катрины, Лордор сбегал к водокачке, ополоснул лицо и руки и причесался, что делал всегда, получая ее письма. Потом на веранде уселся читать. Господи боже мой, она приезжает! Лордор вскочил и бросился к пожарному набату. Через минуту о новости узнали все в радиусе пяти миль. Услышав зов, Нотты привезли целую повозку домашнего немецкого пива, а мистер Линдквист, как обычно, ухватился за хороший повод сыграть на скрипке.

После застолья Бёрди Свенсен поднялась на новое кладбище – полить и подрезать четыре молоденькие ивы, которые муж Ларс посадил на их семейном участке. Все еще в праздничном настроении, Бёрди переходила от деревца к деревцу, мурлыча шведскую песенку. Она даже не подозревала, что за ней наблюдают.

Чикагская кутерьма

Апрель, 1890

В свой выходной день Катрина и Анна отправились на оживленную Стейт-стрит. Они лавировали меж конок и экипажей, туда-сюда сновавших на бешеной скорости, и Катрина, по обыкновению паниковавшая и трусившая, цепко держалась за жакетку подруги.

В первый же день ее ошеломила городская суета, весь этот шум-гам Чикаго с его широкими проспектами в кайме высоких домов, с его запахом скотобоен. Грохот колес и цоканье копыт по мостовым, не стихавшие ни днем ни ночью, жутко утомляли. А все люди куда-то спешили.

Но Анна Ли здесь себя чувствовала как рыба в воде. Она обожала всю эту будоражащую кутерьму с ее ночной жизнью, пивными садами, безалаберностью, танцзалами, театрами и круглосуточными увеселениями. Подруга уже разок выкурила сигаретку и одевалась по самой последней моде.

Нынче она силком потащила Катрину в магазин дамской одежды, чтоб выбрать ей приличный дорожный наряд.

– Может, не надо? – мямлила Катрина.

– Нет, надо! – рявкнула Анна Ли, перекрывая уличный шум. – Нельзя приехать в Миссури в облике горничной. Коровам-то, может, все равно, а вот мужчине – нет.

Кучер сзади накатившей конки громко затрезвонил в колокол, и от неожиданности Катрина чуть не подпрыгнула. Анна Ли обернулась и послала кучеру воздушный поцелуй. Пассажиры, мужчины в соломенных канотье, высунулись в окна и засвистели, а она, приподняв юбку, показала им краешек лодыжки. Вот такая она, Анна Ли.

После часа примерок в любимой галантерее Анны Катрина была экипирована с ног до головы, вплоть до наимоднейшей шляпки. Оглянуться не успели, как с упакованными обновками они уже поспешали на встречу с одним из многочисленных приятелей Анны Ли, пригласившим девушек покататься на лодке в парке развлечений.

Хоть ровесницы, Катрина и Анна отличались как день и ночь. Катрина – невысокая ладная тихоня. Анна Ли – развеселая пышногрудая хохотушка с копной светлых кудрявых волос и ярким ртом. Само собой, Катрина обожала подругу и знала, что будет по ней ужасно скучать.

Миссури

Май, 1890

Дражайшая мисс Олсен,

Мы будем рады принять вас у себя. Наверху у нас милая спальня, светлая и просторная, там есть зеркало и комод. Заверяю, никто вас не потревожит. Детям строго-настрого наказано: ни под каким видом к вам не входить. Старшая дочка увидела вашу фотографию и просто не верит, что к нам едет такая красавица.

Мисс Олсен, вы уж простите мою дерзость, но я вот слыхала, что в Чикаго продают селедку в оловянных банках. Ежели это правда и не слишком для вас обременительно, не могли бы вы привезти нам одну баночку? Для покрытия расходов я вкладываю в конверт один доллар, полагая, что этого достанет. Теперь мы с мужем обитаем вдали от моря и очень истосковались по селедке. Если же слухи о баночной сельди – враки, истратйте, пожалуйста, этот доллар на коробочку пудры или журнал мод. Я просто извелась от нетерпения поболтать с дамой. Моя ближайшая соседка миссис Нотт очень славная, но она немка и не слишком разговорчива.

Преданная вам, миссис Бёрди Свенсен.

Приключение

Через три недели мисс Катрина Олсен со всеми своими пожитками и банкой консервированной сельди села в поезд, отходивший на юг Миссури. Одно дело – планировать поездку, и совсем другое – в нее отправиться. После всех треволнений сборов и прощаний Катрина действительно пустилась в дорогу, и вот тогда-то ее вдруг оглушило неприкрытой сутью ею затеянного. Захотелось выпрыгнуть из вагона, помчаться в Чикаго и умолять, чтоб ее взяли обратно на службу. Зачем же она уволилась? Несусветная дурь. Верно, она дала слово и очень хотела его сдержать, но ведь на вокзале ее встретит совершенно чужой человек. О чем она думала? И как ей исполнять супружеские обязанности, о которых говорила Анна Ли?

Но если она сбежит, мистер Нордстрём потребует вернуть деньги за билет? Господи, что она натворила! И почему в письме к мистеру Нордстрёму не сказала всей правды о себе?

Теперь уже слишком поздно. Сквозь вагонное окно Катрина смотрела на мрачные небеса, разразившиеся ливнем. Еще никогда ей не было так одиноко. Катрина достала мамин платок и уткнулась в него лицом. Она скучала по маме. Она скучала по Швеции.

Всю ночь Катрина плакала и ворочалась, а утром подняла оконную штору, и ее приветствовало огромное ярко-желтое солнце. День набирал силу, на пути в Миссури поезд отстукивал мили по сельским угодыям. За окном проплывали неохватные глазом поля подсолнухов и пшеницы, ряды молодой кукурузы.

Казалось, подсолнухи шлют улыбки персонально Катрине, и та, к своему удивлению, слегка приободрилась. Что ни говори, она ведь крестьянских кровей. Необъятные просторы золотистой пшеницы, кивающей под ветром, и синее небо в белых пушинках облаков ей гораздо роднее. Поезд миновал кучку крестьянских подворий, и Катрина задумалась о доме Лордора Нордстрёма. Есть ли в нем кухня? А земля под сад найдется? Можно ли будет завести кур? И если все сложится, миссис Нотт обещала свинью. Поросятки, они такая прелесть.

К вечеру Катрину охватило иное беспокойство. Вдруг она не понравится Лордору Нордстрёму и ее отправят обратно? Я думал, вы красивее, скажет он, и потом, такая замухрышка с хозяйством не справится. Теперь возвращение в Чикаго страшило не менее, чем прежде пугала разлука с ним. Катрина себя успокаивала, вновь и вновь перечитывая два последних письма от Лордора.

Дорогая мисс Олсен,

Я рад, что вы получили билет и деньги на дорогу. Ну вот, все сговорено, а меня терзает беспокойство касаясь ваших ожиданий от меня и здешнего края. Умоляю, не ждите слишком многого, чтоб не разочароваться. Я обычный фермер, и места здесь обычные. Я пребываю в страхе, что после Чикаго я сам и моя жизнь покажутся вам невозможно скучными. Знаете, я вдруг стал вас бояться. Но, пожалуйста, уверьтесь, что, если ваши чаяния не оправдаются, я не стану вас неволить. Я приму любое ваше решение.

Что до меня, я безмерно счастлив тем, что просто увижу вас. За последнее время я прочел кучу книг, чтоб до вашего приезда маленько пообтесаться. Прошу, поторопитесь. Потому как здешние женщины тоже стараются меня обтесать. Опасаюсь, к нашей встрече меня совсем обтешут и я уже ни на что не сгожусь.

Ваш преданный слуга Лордор Нордстрём.

P. S. Не удивляйтесь, если эти самые женщины затеют благотворительный ужин с кадрилию, дабы вас впечатлить. Меня уже замучили танцами, готовя к знаменательному событию. Поглядим, насколько я преуспел. Пожалуйста, сообщите дату и точное время вашего приезда.

Дорогая мисс Олсен,

16 июня я вас встречу и отвезу в дом Свенсенов. Чтоб вы меня узнали, я буду в шляпе с красным цветком. По настоянию миссис Генри Нотт я вкладываю в конверт обручальное кольцо ее покойной матушки. Нэнси говорит, вам следует непременно его надеть, ибо в поездах полно шабашников, разносчиков и коммивояжеров-прощелыг и даме небезопасно путешествовать одной. Меня это тревожит. Если удастся, постарайтесь быть не столь красивой. По выражению миссис Свенсен, вся наша община «трепещет» в ожидании. Я шалею от мысли, что вы и впрямь едете.

Преданный вам, Лордор Нордстрём.

В письмах мистер Нордстрём выглядел твердо уверенным в своих чувствах, очень добрым и заботливым. От слов его Катрине полегчало. Вот только Лордор умолчал о том, что после отправки денег и билета он тоже среди ночи проснулся в холодном поту и подумал: «Господи, что я наделал!» Он поддался всеобщему восторгу, но теперь вдруг понял, что просит красивую девушку все бросить, приехать в совершенно незнакомые места и там жить с ним до скончания дней. Где у него голова? Мисс Олсен живет в Чикаго – большом городе, где совсем другие люди. А если он, Лордор, ей не понравится? А если Миссури покажется скверным? Она же не корова или лошадь, которую можно выписать. Она живой человек, у нее есть чувства. Ради него отважная девушка всем рискует. Еще никогда ему не было так страшно. А потом его осенило. Он слез с кровати и встал на колени. Молился он не часто, но сейчас просил о том, чтоб не случилось ошибки. Пусть бедная девушка не разочаруется и не уедет восвояси.

Девушка на перроне

Спрингфилд, Миссури

Поезд прибыл на станцию, и Катрина, щурясь от яркого утреннего солнца, оглядела длинный перрон. Вдали маячил рослый светловолосый мужчина в новом черном костюме и шляпе с красным цветком. По традиции, его сопровождали две замужние женщины, стоявшие по бокам от него. «Так невесте легче впервые встретиться с женихом», – объясняли они. По правде, их поддержка требовалась Лордору. Он боялся, что не узнает Катрину, но едва та вышла из вагона, мгновенно понял – это она. Лордор уже досконально изучил ее фотографию и все равно оказался не готов к тому, как она выглядит живьем.

У этой хрупкой девушки, ступившей на перрон, были крохотные, невиданно изящные ступни. Белым, точно фарфоровым, лицом, румянцем и голубыми глазами она походила на шведскую куклу, некогда сидевшую на комод в матушкиной спальне. До предела взбудораженные дамы кинулись к девушке, оставив Лордора топтаться в пыли. После объятий и слов о счастье лицезреть такую красавицу они ощупали материю ее модного чикагского наряда. Потом восторженно осмотрели премилые кнопки на кожаных перчатках и очаровательное перышко на шляпке – в общем, так себя вели, словно заполучили новехонькую игрушку, только ради них и прибывшую.

Изучив Катрину с головы до пят, Бёрди Свенсен наконец-то вспомнила о Лордоре и кивнула в его сторону:

– Ну вот он, мисс Олсен, ваш, как говорится, суженый.

Лордор смущенно приосанился и поклонился, коснувшись шляпы.

– Не стой столбом, Лордор, поздоровайся! – нетерпеливо прикрикнула миссис Нотт. – Из-за тебя бедная девочка проехала пол света!

Но Лордор смог лишь снова поклониться, опять дотронувшись до шляпы.

Он доставил Катрину к Свенсенам, после чего дал ей время устроиться и отдохнуть. Четко следуя инструкциям, Лордор действовал по плану: появился лишь на следующий день и в сопровождении Бёрди Свенсен повез Катрину

осматривать его дом и молочную ферму. Утро выдалось на славу, поездка стала удовольствием. Вдали ярко зеленели холмы. Приветливо махали соседи фермеры. Возле дома Лордора Катрина углядела засаженный подсолнухами придворок, что напомнило ей поля, проплывавшие за окном поезда. Она опять приободрилась, сочтя это добрым знаком.

Коляска остановилась.

– Вот и дом, – прокашлявшись, сказал Лордор.

Все соответствовало описанию миссис Нотт: большой двухэтажный дом с верандой, сбоку красиво увитый глицинией.

– Он выглядит славно, мистер Нордстрём, – сказала Катрина.

Выбираясь из коляски, Лордор слышал стук своего сердца. Наступила долгожданная и вместе с тем пугающая минута. Вдобавок Лордор себя чувствовал обманщиком. Нынче, едва рассвело, к нему заявила Нэнси Нотт и буквально сбросила его с кровати. А потом сверху донизу отдраила дом. Лордор думал, у него и так чисто, но оказалось, что нет. После уборки Нэнси дом сверкал. Лордор воздал должное ее трудам, однако слегка обеспокоился:

– А это не жульничество?

– Ну так, небольшое, – ухмыльнулась Нэнси.

Лордор взошел на веранду и открыл дверь перед дамами. Длинный коридор, по одну сторону которого располагалась гостиная с камином, а по другую – зала, ввёл в просторную кухню с черной дровяной печкой и выходу на заднее крыльцо. Поскольку весь второй этаж был отведен под спальни, Лордору велели дожидаться внизу, и дамы продолжили осмотр самостоятельно. Учитывая деликатность момента, Бёрди Свенсен лишь на секунду приоткрыла дверь хозяйской спальни, но все равно Катрина зарделась, увидев посреди комнаты двуспальную кровать под балдахином. Потом они заглянули в прочие спальни и сошли вниз.

Затем Лордор повез гостей на молочную ферму. Хозяйство – два длинных коровника из красного кирпича и три силосные ямы – весьма впечатляло. Но Катрина все еще вспоминала дом. В этом явно холостяцком, скудно обставленном жилище ей уже виделись половики, оборчатые занавеси на всех окнах и симпатичная картина над камином. Затем она погладила коров и сказала, что они очень милые. В ответ Лордор кивнул, мол, вот и хорошо, но так и не улыбнулся.

Вопреки всем переживаниям, Миссури оказался вовсе не похож на Дикий Запад, каким его представляли бульварные романы. Вообще-то все здесь напоминало Швецию. С первых минут приезда Катрина себя чувствовала хорошо и уютно. А стряпня Бёрди Свенсен и тихий перезвон коровьих колокольцев на лугах создавали впечатление, будто и не было разлуки с родиной.

Милая моя мамочка,

Не волнуйся, доехала я благополучно. Здесь нет никаких индейцев, медведей и пум, но только коровы, козы, куры и свиньи. По твоим кондитерским рецептам я уже кое-что сготовила для семейства, меня приютившего. Как будто, говорят они, побывали дома. Я надеюсь сразить мистера Нордстрёма твоим миндальным пирожным и булочками с корицей. Всем от меня поклон.

Твоя любящая дочь Катрина.

P. S. Мама, тут столько еды, хватает всем. Если я скоплю денег, ты приедешь ко мне?

Благотворительная распродажа

Лордор предупреждал не зря: в честь Катрины на ближайшую субботу был назначен благотворительный ужин с танцами, местом проведения которого определили амбар Линдквистов. Гостью уведомили, что на таких вечерах всегда проводится аукцион. Женщины готовили ужины на двоих и укладывали их в

обувные коробки, и мужчины состязались за каждый такой лот. Предложивший высшую цену получал собственно ужин, а дама, его сготовившая, становилась сотрапезницей победителя. Предполагалось, что состязатели не знают, за чью коробку идет торг, но еще в среду утром все поселковые женщины и Ларс Свенсен, лучший друг Лордора, шепнули жениху: Катринина коробка будет перевязана широкой синей лентой.

Когда начались торги и настала очередь коробки с упомянутой лентой, все взгляды обратились к Лордору.

– Ну, парни, что вы предложите за эту симпатичную коробочку? – крикнул мистер Линдквист, показав лот. – Пахнет она чертовски вкусно.

Лордор поспешно вскинул руку и дал целый четвертак, рассчитывая победить сразу, поскольку прочие коробки уходили всего за десять центов. Но вдруг все остальные мужчины стали перебивать его цену. Даже щербатый восьмилетка Виллем Эгстрём предложил полдоллара.

Лордор не знал, что соседи сговорились и решили над ним слегка подшутить. Все они уже чуть-чуть влюбились в Катрину и теперь еле сдерживали смех, глядя на взмокшего, перепуганного возможным проигрышем жениха, который все поднимал и поднимал цену.

Десять долларов шестьдесят пять центов стали последним предложением бедолаги.

– Продано Лордору Норд стрёму! – возвестил мистер Линдквист, и все вокруг покатались со смеху.

Лордор наконец понял, что произошло, и вот тогда-то Катрина впервые увидела его улыбку. Очень обаятельную. Казалось, он рад своей победе. Однако за ужином, в уголке, накрытом на двоих, почти не разговаривал. Катрина попыталась завязать беседу:

– Как вам здешний климат, мистер Нордстрём?

– Хороший. – Лордор отправил в рот добрую порцию картофельного салата.

– А те рыжие коровы, что пасутся на лугу, выписаны из Швеции?

– Да, – кивнул Лордор, налегая на салат.

И так весь вечер. Сам он ни о чем не спрашивал, и Катрина измучилась, выискивая темы. Самое огорчительное, он ничего не сказал об ее миндальном пирожном.

Потом объявили танцы, все пустились в пляс, и она невольно прыскала, глядя, как окаменелый Лордор, в котором было шесть футов два дюйма, потешно вскидывает ноги.

Но время шло, и Катрина поняла: что-то не так. Лордор был чрезвычайно предупредителен, учтив, и только. Катрина поделилась своим беспокойством с Бёрди Свенсен. Все в порядке, успокоила та, просто Лордор застенчив, но девушка чувствовала – тут еще что-то. На их совместных прогулках он как будто исполнял обязанности кавалера. Минуло уже почти три недели, а Лордор ни разу не обмолвился о «женитьбе». Катрина не знала, что и думать, – отправят ее обратно в Чикаго или попросят остаться? А уезжать теперь совсем не хотелось.

И дело не в красивом доме и молочной ферме, не в манере Лордора кланяться, касаясь шляпы, и его смешных танцевальных коленцах. Случилось нечто иное, совершенно неожиданное.

Еще на станции Катрина влюбилась с первого взгляда. Когда Лордор, загрузив ее багаж, под локоток помог ей забраться в повозку, она почувствовала, как дрожат его руки. Это ее так тронуло, что чуть не разбило ей сердце. В заботливости этого силача было что-то невероятно притягательное и милое.

Но теперь казалось, что он не отвечает ей взаимностью. Те чудесные письма как будто писал другой человек. А из этого слова не вытянешь. Чем больше Катрина говорила, тем сильнее он замыкался в себе.

Но вот однажды они поехали кататься, и тогда Катрина, страшась ответа, собралась с духом спросить:

– Мистер Норд стрём, я что-то сделала не так? Вы мною недовольны?

– Недоволен? – Большие голубые глаза Лордора распахнулись. Он натянул вожжи: – Тпру!

Повозка остановилась, Лордор повернулся к своей спутнице:

– Я очень доволен, мисс Олсен. Почему вы об этом спросили?

– Вы со мною не разговариваете. Когда мы вдвоем, вы почти все время молчите. Я не знаю, о чем вы думаете, и меня это пугает.

– Понятно. – Лордор уставился на свои руки, глубоко вздохнул, но больше ничего не сказал.

– Дело во мне? Скажите, чем я провинилась?

– Нет-нет... – Он покачал головой. – Вы ни при чем.

– А что тогда, мистер Нордстрём? Вы должны сказать. Я ехала в такую даль.

Лордор как будто подыскивал слова, а затем выпалил:

– Я опасаюсь за свою безграмотную речь. Я знал, что вы красивая, но не представлял, что вы так здорово изъясняетесь. Я молчу, чтоб вы не догадались, какой я олух. И не уехали обратно в Чикаго.

От облегчения, обрушившегося лавиной, к глазам ее подступили слезы.

– Ох, Лордор! – воскликнула Катрина, сама того не ожидая. – Что за чепуха! Я хочу, чтобы вы со мной разговаривали. И совсем не важно, как вы говорите.

– Погодите, погодите! – вскинул руки Лордор. – Это еще не все. Я и пишу с ошибками. В моих письмах к вам миссис Свенсен проверяла буквы в трудных словах.

Катрина улыбнулась и покачала головой:

– Мне все равно.

– Правда? – еще не веря, спросил Лордор.

– Правда.

– Значит, вы останетесь?

Катрина хотела ответить, но тут ее кольнуло виной. Он-то честен перед ней. Надо ему все сказать.

– Прежде чем я отвечу, Лордор, вы должны кое-что обо мне узнать. О чем я умолчала.

Он вроде как удивился:

– Что же это?

Закусив губу, Катрина раскрыла сумочку и что-то оттуда достала.

– Дело в том, что у меня неважное зрение... и лучше, если об этом вы узнаете сейчас. – Из бархатного очечника она достала очки в круглой черной оправе и, надев их, повернулась к Лордору. – Я ношу очки... Да, я знаю, они меня не красят, но без них все как в тумане.

Катрина смолкла, ожидая отклика. Лордор сморгнул, разглядывая ее.

– Нет, Катрина, вы не правы, – сказал он. – Вам очень идут очки... вы в них красивая. Мне нравится. – Лордор улыбнулся. – Очень-очень.

– Вы не огорчены?

– Ничуть. Хорошо, когда у мужчины красивая жена.

– Простите, что не сказала вам раньше, но Анна Ли...

– Катрина, скажите одно... – перебил Лордор.

– Да?

– Вы остаетесь?

– Да.

– Насовсем?

– Да, да.

Лордор улыбнулся:

– Хорошо.

Они поехали дальше, оба сияя улыбками. В тот день Катрина впервые увидела Лордора отчетливо, и он оказался еще красивее, чем она думала.

С той поры Катрина носила очки, а Лордор просто заговорил ее, рассказывая о будущем города и их собственном. Квартирюя у Свенсенов, Катрина примкнула к кружку вязания, организованному Бёрди. Она оказалась способной ученицей и вскоре сравнялась с лучшими вязальщицами.

Когда истек приличный срок в три месяца, Свенсены сопроводили жениха и невесту в большую лютеранскую церковь в Спрингфилде, где их обвенчали. По завершении обряда Бёрди всплакнула, а молодые облегченно выдохнули. После столь долгого ожидания им не терпелось очутиться дома и наконец-то начать свою новую супружескую жизнь. Однако не всегда все идет по намеченному плану.

К вечеру новобрачные вернулись домой и увидели, что во дворе сгрудились повозки, запряженные мулами и лошадьми, а окна полыхают светом. Поселковые женщины приготовили большой сюрприз – свадебный ужин,

которого достало бы на целое войско. Веселье с музыкой и танцами длилось до четырех утра. Уже светало, когда ушел последний засидевшийся гость. Скрипач перебрал домашнего пива Ноттов и обеспамятел. Лордор с Ларсом оттащили его в повозку. Наконец молодые смогли приступить к таинству первой брачной ночи.

Они взошли наверх. В спальне Катрина сняла подвенечное платье и облачилась в ночную сорочку. В соседней комнате Лордор избавился от черного костюма и бархатной бабочки, которые убрал в шкаф, и надел новую ночную рубаху в синюю полоску. Перед зеркалом причесался и стал ждать приглашения Катрины. Через минуту-другую она позвала:

– Можно войти.

Лордор вышел на площадку и открыл дверь спальни. Катрина сидела в кровати, от ее красоты захватывало дух. Оба изо всех сил старались сохранить спокойствие. Но все равно волновались.

Едва Лордор забрался на толстую перину, как снизу раздался оглушительный треск, говоривший о том, что входную дверь сорвали с петель. Затем по дому протопали скорые тяжелые шаги, загрохотали опрокинутые столы и стулья, зазвенело разбитое стекло, загремели сброшенные на пол горшки и кастрюли. Какой-то неведомый безумец громил кухню.

Готовый защитить возлюбленную от банды головорезов или кого похуже, Лордор цапнул дробовик, который держал в изголовье кровати. Несмотря на приказ запереться в спальне, Катрина нацепила очки и, вооружившись зеркальцем в серебряной оправе, следом за мужем выскочила на лестницу.

Внизу Лордор, изготовившись к стрельбе, ногой распахнул кухонную дверь. Однако глазам его предстала не шайка бандитов и даже не грабитель-одиночка. Посреди бедлама возлежала свинья по кличке Сладкая Картофелина – свадебный подарок весом в триста пятьдесят фунтов от Генри и Нэнси Нотт. Она сумела выбраться из загона, влезть на крыльцо и проникнуть в дом. Сладкая Картофелина явно не боялась людей и ружей – равнодушно глянув на молодоженов, она продолжила угощаться объедками с праздничного стола. Похоже, остатки свадебного торта особенно пришлись ей по вкусу, о чем свидетельствовало измазанное глазурью рыло.

Царил страшный кавардак. В поисках съестного Картофелина свалила все что можно. Повсюду битая посуда, сломанные стулья. Фарфоровый сервиз, белоснежные простыни, стеганые ватные одеяла и прочие замечательные свадебные подарки, в кухне выставленные напоказ, теперь вперемешку с объедками валялись на полу и несли на себе отпечатки свиных копытцев. Чтобы выдворить Картофелину из дома, спустить с крыльца и отправить в загон, ушло более получаса.

Когда свинью благополучно заточили в хлеву, уже взошло солнце. После всей этой мороки новобрачные, так усердно наводившие красоту к своей первой брачной ночи, были грязные как черти. Это их так развеселило, что от смеха они не могли стоять и плюхнулись на землю. Только один успокоится, как другой опять начинал хохотать.

Вскоре эту пару в ночных сорочках, расположившуюся в палисаде и буквально умиравшую со смеху, увидел батрак Олли Бергсен, поспешавший на работу. Он ничего не сказал, посчитав это милым последствием брачной ночи.

Видимо, молодые его не заметили, потому что Лордор вдруг наклонился и поцеловал жену прямо в губы. Похоже, новобрачной это понравилось, ибо она обвила супруга руками и ответила ему горячим поцелуем. С виду все было хорошо, и даже настолько хорошо, что Олли обеспокоился, смутившись вероятным продолжением сцены.

Но человек слаб, и на входе в амбар Олли, не сдержавшись, обернулся. Он увидел, как Лордор поднимает Катрину с земли и на руках вносит в дом. Боже милостивый! Видать, на хозяйстве Лордор появится не скоро. Уж точно, не сегодня.

Сладкая Картофелина чуть не погубила брачную ночь, но вместе с тем преподала ценный урок. Свинью сколько ни толкай и улещивай, ни пихай и упрашивай, ни пинай и умоляй, она не двинется с места. Особенно если дожидает остатки свадебного торта. И еще: супружество лучше всего начинать безудержным смехом. Особенно если хочешь зачать детей.

Миссури

1890

Дорогая Анна Ли,

Я очень часто тебя вспоминаю. Как ты? Спешу сообщить, что теперь я замужем и очень счастлива. О таком добром и ласковом муже, как Лордор, можно только мечтать. Дом наш не роскошен, но окрестности просто чудесные. Заднее крыльцо смотрит на поля пшеницы, ячменя и клевера. С веранды открывается вид на холмы, а чуть левее виднеются красные коровники молочной фермы. По утрам коровье стадо шествует на луга, в сумерках возвращается домой. Ох, Анна, если бы ты все это видела, ты бы решила, что очутилась на родине.

Своему приятелю, назвавшему меня сельской мышкой, передай, что он был прав. Здесь так спокойно. Мы с Лордором встаем на рассвете, а спать ложимся, как стемнеет. И мне это по душе.

Я очень надеюсь, моя дорогая подруга, что у тебя все хорошо. Жду подтверждений этому в твоём письме.

С любовью, Катрина.

P. S. Лордору нравятся мои очки. Чудесно, правда?

Дочернее обещание

Лордору и Катрине повезло. Сговор по переписке частенько оборачивался огорчительным подвохом. Бывало, женщина проедет пол-Европы, потом долго трясется в фургоне, а в конце пути ее встретит мужчина, у которого нет ни дома, ни земли, да и сам он совсем не тот, что на фото.

И наоборот: мужчина потратит все сбережения на выпуск молодой невесты, а через какое-то время к нему прикатит мадам, в которой весу и лет гораздо

больше, нежели в красавице с фотографии.

Обе стороны рисковали, играя вслепую. Но, как ни странно, многие браки складывались, что способствовало заселению страны усердным и предприимчивым народом. Ради собственной земли, свободы и независимости люди были готовы ехать к черту на кулички и жертвовать чем угодно.

Пролетел первый совместный год Катрины и Лордора. Дом превращался в настоящее семейное гнездышко с оборчатými шторами, половиками и картинами на стенах. Но главное, Лордор и Катрина были счастливы вместе. Она с нетерпением ждала его с работы, а ему не терпелось вернуться домой. На людях Лордор не сводил с нее глаз и притом глупо улыбался. «В жизни не видала пару, чтоб была так без ума друга от друга», – сказала про них миссис Тилдхолм.

Лордор не ошибся в Катрине. Не особо сильная физически, она была отважна и решительна. Небольшие деньги, которые она посылала в Швецию, позволяли родным не голодать. Слава богу, младший брат Олаф уже порос для крестьянского труда. Теперь Катрина хотела переправить семью в Америку. Она обещала матери, что при малейшей возможности это сделает.

1891

Милая моя мамочка,

Спасибо за письмо. Я очень рада, что подарки дошли вовремя. Не сомневаюсь, что на рождественском празднике наша маленькая Бригитта великолепно представила святую Люсию. Я горжусь, что на эту роль выбрали ее, так ей и передай.

Мы тоже прекрасно отметили Рождество. Все было почти как дома. Даже выпало немного снега. В зале собраний женщины во главе с миссис Эгстрём накрыли праздничный стол. Я принесла булочки-луссекаты и имбирные пряники по твоему рецепту. Вместе с друзьями Лордор отыскал очень красивый кедр,

который стал нашим рождественским деревом, украшенным свечками, гирляндами и соломенными зверушками. В полночь мы зажгли свечи, на шведском спели рождественские гимны, а утром покормили птиц, так что наверняка весь следующий год нам будет сопутствовать удача.

Мамочка, я по тебе очень скучаю. Мы так далеко друг от друга. Но ты ведь знаешь, что ты и Швеция всегда в моем сердце.

Твоя любящая дочь Катрина.

P. S. Соседка Бёрди Свенсен учит меня вязать. В новом году я надеюсь прислать тебе теплый свитер.

Чикаго

Дорогая Катрина,

Спасибочки за письмо. Я уж думала, тебя съел медведь либо ты забыла свою давнюю чикагскую подругу. Теперь понятно, отчего ты не писала. Невероятно, моя подружка стала мамой! Поздравляю! Наверное, муж твой рад как мальчишка. Имя Лорддор Теодор Нордстрём мне нравится. Красивое.

Все мы по тебе сильно соскучились.

На твое место взяли новую девушку – Дагмар Йенсен из Гутенберга, что по ней и видно. Целый день жует, а ночью плачет, потому что муж ей не пишет. Видела я его фотографию. Фу! Жирный увалень.

Все парни спрашивают, куда ты подевалась, а я отвечаю: теперь она женошка старика фермера. Особых новостей нет, кроме той, что я завела себе нового дружка, ужасно пылкого. Зовут его Гектор, он билетер на ипподроме. Мы с друзьями проходим бесплатно. Он не богач, однако напорист и жуткий щеголь. Пиши мне, хорошо? И приезжай в гости, пока не превратилась в седую старуху. Ха-ха.

Анна Ли.

Соседи

В больших городах с соседями приятно поздороваться или изредка пообщаться, но в маленьких сельских поселениях Миссури их роль куда как важнее. Бывает, от них зависит твоя жизнь. И неважно, если один сосед нравится больше, а другой меньше. Все они – соседи. Учитывая, что жители Шведбурга были родом из разных стран и даже шведы – из разных ленов, они представляли собой весьма гармоничное сообщество.

Женщины-соседки нуждались друг в друге, поскольку с кем-то надо посоветоваться о готовке и воспитании детей, да и поболтать. Мужчинам болтать недосуг, но им требовалась соседская подмога. Поначалу, когда денег было маловато, друг с другом рассчитывались зерном; Лордор бесплатно снабжал детей молоком, а взрослых – маслом и сыром, в обмен получая сено и пшеницу на корм лошадям и коровам.

В 1895-м у Свенсенов сгорел амбар, и поселковые мужчины, собравшись в артель, меньше чем за неделю отстроили им новый. А на следующий год, когда Катрина свалилась в родильной горячке, Ларс Свенсен в буран отправился за лекарем, ехал всю ночь и, в общем-то, спас ей жизнь. Однако он не ждал благодарности, поскольку знал, что Лордор то же самое сделал бы для него. А для благотворительного обеда по сбору средств на строительство силосной башни Нотты пожертвовали свинью, Бёрди Свенсен отдала двадцать цыплят, миссис Линдквист нажарила пирожков. Катрина испекла хлеб и миндальное пирожное, выставила сыр и кофе. Обед удался. Жареный цыпленок Катрине понравился. А вот жаркое она не ела, поскольку его приготовили из ближайшей родственницы Сладкой Картофелины. В общине царили мир и лад, которые однажды подверглись серьезному испытанию.

В мае 1897-го в поселке появились некто мистер и миссис Элмер Мимс, которые взяли надел и у всех наизусть денег на постройку дома. Вскоре выяснилось, что мистер Мимс – пьяница и вдобавок человек редкостно низких моральных

устоев. Жена ему в том не уступала. Когда Генри Нотт заглянул к ней истребовать долг, она предложила рассчитаться иным способом, чем до смерти его напугала. Путаясь в собственных ногах, бедняга стремглав кинулся домой, к миссис Нотт. Мимсы получили еще год отсрочки, но ничего не посеяли и долгов не вернули. Лордор созвал собрание.

И вот однажды вечером, когда эта пара, нежданно приглашенная к Ноттам, за обе щеки уплетала дармовой ужин, ее дом разобрали до основания и аккуратно, досочка к досочке, гвоздик к гвоздику, вместе со всеми пожитками загрузили на подводку. Вернувшись домой, Мимсы узрели пустой участок, посреди которого стояла груженная телега. Намек они поняли, и с тех пор их больше не видели.

Происшествие не обсуждалось. Гордиться тут было нечем, но Ларс Свенсен сказал жене:

- Иногда, Бёрди, надо выковырнуть червяка из яблока.

1900-е

Новая эра

Городок

Катрина была не только хорошей женой и надежной соседкой, она еще способствовала приросту местного населения, родив сперва сына Тедди, а потом дочку, которую в честь своей матери назвала Ингрид.

По данным переписи 1890 года, в Шведбурге проживали семьдесят четыре человека. К 1900-му его население выросло больше чем в два раза.

Еще задолго до отъезда из Чикаго Катрину утомили чад и суета большого города. Она искренне любила чистый воздух и сельскую тишь. Но после рождения первенца Катрина на себе испытала все тяготы жизни вдали от лекаря и лавки с товарами, необходимыми для надлежащего домоводства.

И вот однажды она сказала:

– Лорддор, нам нужен настоящий город с собственными лавками.

А ведь она права, подумал Лорддор. Поселение растет, мотаться в Спрингфилд и обратно далеко и тяжело, особенно женщинам, особенно зимой.

Вечером он сел за кухонный стол и, вооружившись карандашом и линейкой, набросал примерный план деловой части города. В тот год после сбора урожая мужчины проложили четыре аккуратные широкие улицы, по обеим сторонам которых высадили вязы, дающие хорошую тень. Потом из Чикаго выписали архитектурный каталог Лаймана-Бриджеса, в котором выбрали сборные магазины, церковь, зал собраний и дома для торговцев. Затея казалась выгодной. Лавка стоила дешевле восьми сотен, а церковь с молевыми скамьями и зал собраний на круг обходились в пять тысяч долларов. Жители сбросились на покупку и заказали доставку по железной дороге.

Через три месяца Лорддор и еще несколько мужчин встретили груз в Спрингфилде, уложили на подводы и привезли домой. Когда в поселке появились церковь, лавки и все прочее, жители подумали, что неплохо бы дать новое имя их городу с иголочки.

На собрании, проходившем в новом зале, кто-то предложил назвать город Нордстрём, в честь его основателя, но Лорддор возразил:

– Нет, город принадлежит всем.

Кому-то нравилось имя Новехонький, норвежцы стояли за Скрипичный город, шла горячая дискуссия по фантазиям вроде Афин, Парижа, Гастонии и Утопии, однако Лорддор настаивал на простом и честном названии и спросил:

– Зачем вводить людей в заблуждение?

После многочасовых споров остановились на названии Элмвуд-Спрингс.

– Тут уж без обману, – сказал мистер Нотт. – Вот вам вязы, а вот родники[1 - Elmwood – вязовый лес, Spring— источник, родник (англ.). – Здесь и далее примеч. ред.]. Давайте голосовать, и я пойду ужинать.

Предложение прошло при одном воздержавшемся – Бёрди Свенсен ратовала за Париж. На том же собрании Лордора Нордстрёма единогласно избрали первым мэром, и Генри Нотт отправился домой, где его ждали лапша с подливкой и яблочные оладьи.

Новый мэр, новое имя и новые постройки подвигли жителей Элмвуд-Спрингс на следующий шаг – объявление в газетах восточных штатов:

ВНИМАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛОВ!

Приглашаем на работу разнообразных специалистов, кто не прочь перебраться в Элмвуд-Спрингс, Миссури. Лучше места не найти во всем штате. Зеленая долина с хрустальными родниками – идеальное поле деятельности для людей непревзойденной энергии и предприимчивости. Требуются лекарь, дантист и лавочник, торгующий крестьянской утварью, микстурами, готовой одеждой, шляпками и дамскими мелочами. А также лютеранский проповедник. Не слишком рьяный.

Лордор счел, что в объявлении, составленном Бёрди Свенсен, картина слегка приукрашена, однако отправил его в газету. Сгодится все, что поможет привлечь профессионалов.

По всему Западу и Среднему Западу небольшие общины, прежде именовавшиеся Маленькая Польша, Маленькая Италия, Немецкий городок, меняли свои названия на американские и надеялись вырасти в города. Элмвуд-Спрингс повезло. Года не прошло, как он обзавелся лекарем, цирюльником, при необходимости рвавшим зубы, и лютеранским проповедником Эдвином Уимсбли. По запросу, не слишком рьяным.

Мисс Люсиль Бимер

1901

Раньше все крестьянские дети обучались дома. Но вскоре городские женщины поняли, что пришла пора для кое-чего получше. Скажем, Катрина захотела, чтобы Тедди и Ингрид получили настоящее образование. Лордор, как всегда, согласился.

Через несколько месяцев в городе появилась прелестная маленькая школа из красного кирпича. А осенью из Филадельфии приехала восемнадцатилетняя учительница мисс Люсиль Бимер, чтобы преподавать в первом – восьмом классах.

Невзирая на молодость, она получила место благодаря своему особому интересу к литературе и английскому языку, что и требовалось общине. Недавние эмигранты хотели, чтобы их дети хорошо говорили и читали по-английски.

Первые годы учительства дались нелегко. Почти все учебники были на шведском, никто не знал, в какой класс отдавать ребенка. В одной комнате сидели все: и самый старший Густав Тилдхолм, восьмиклассник шестнадцати с половиной лет, и самый младший шестилетний Андер Свенсен, и остальные пятнадцать учеников самых разных возрастов – от малышей до верзил. Да уж, работа не из простых. Еще повезло, что в первый год под рукой был Густав, который на муле приедет спозаранку, наносит дров и растопит пузатую печку. Ростом за шесть футов, он утихомиривал расшумевшуюся малышню. Густав больше хлопотал по хозяйству и учился не слишком усердно, но в роли помощника был незаменим. Как все другие ученики, он обожал мисс Бимер.

Дорогие родители,

Спешу сообщить, что ваша дочь стала настоящей учительницей. Семнадцать моих учеников называют меня «мисс Бимер», и я себя чувствую совсем взрослой. Я живу в семье шведской пары, мистера и миссис Лордор Нордстрём. Он рослый и симпатичный, она невысокая, но очень миловидная и носит капор в полоску. У

них двое детей – Тедди и маленькая Ингрид, милые и очень воспитанные. Мистер Нордстрём держит молочную ферму, у него много коров, кур и одна свинья, которая мне не нравится. Я подошла к загону, и она хотела меня укусить, я чуть не сомлела! Миссис Нордстрём извинилась – мол, свинья подумала, ее чем-то угостят.

Мама, пришли, пожалуйста, мое синее платье. Я не рассчитывала, что оно понадобится, но люди здесь очень общительные, они часто устраивают танцы и вечеринки. Я слегка располнела. Миссис Нордстрём печет всякие вкусности, от которых я не в силах отказаться. Пожалуйста, пишите и рассказывайте, что у вас нового.

С любовью и нежностью, Люсиль.

Чикаго

Приветик, Катрина!

Я рада получить от тебя весточку. У тебя уже двое деток! Просто не верится! А я все еще в поиске. Тебя ждут малыши, меня – развлечения. Ты прирожденная мать, не то что я. Но все равно, детки – это чудесно.

На работе без особых новостей, вот только к Дагмар Йенсен приехал муж, и его взяли на службу. Теперь у меня своя комната – каморка на четвертом этаже, где мы прятали книжки; ничего, пока что сойдет.

Сейчас я встречаюсь с бейсболистом из «Чикагских юнцов». О, этот парень бьет без промаха. А какие вечеринки ребята закатывают! Уж точно они знают толк в веселье. Нынче я вернулась домой в четыре утра.

Как поживает хрюшка, о которой ты писала? Похоже, мы с ней родственные души. Все, убегаю. Старуха проснулась и звонит в колокольчик.

Анна Ли.

Со Сладкой Картофелиной всегда было хлопотно. Что-что, а воспитанной ее не назовешь. На попытки Катрины, Лордора и детей ее приласкать она ясно давала понять, что плевать на всех хотела. «Кормите, но не докучайте» – был ее девиз. А жрала она абсолютно все. Однажды вместе с пуговицами и прочим слопала красные кальсоны Лордора, которые сдуло с бельевой веревки, в другой раз сжевала каталог «Товары – почтой» и кожаный башмак. Вот такая вот препротивная прожорливая тварь с луженым желудком.

– Эта свинья ведет себя просто по-свински, – говорила Катрина, однако, несмотря ни на что, им с Лордором и в голову не приходило продать или заколоть Картофелину на мясо. На их взгляд, она обладала одним большим достоинством, перевешивающим все недостатки: ее абсолютное довольство собой и полное безразличие к мнению окружающих смешили до слез. Разумеется, Картофелина, будучи свиньей, не осознавала своего счастья.

Еще ей повезло в том, что она не понимала по-английски.

– Будь это моя свинья, – не раз громогласно заявляла миссис Нотт, – она бы уже нынче оказалась в котле и завтра превратилась в колбасу.

А Сладкая Картофелина знай себе хрюкала и чавкала. Говорят, она стала единственной свиньей в Миссури, которая умерла от старости. Между прочим, Картофелина пережила миссис Нотт, но, конечно, не смогла бы оценить эту иронию судьбы.

Соседский мальчик

Смышленного рыжего Андера Свенсена, семилетнего сына Бёрди и Ларса, как будто окатили из бадьи с веснушками. Лицо и уши его были сплошь в конопушках. Но все любили его за добрый нрав и звонкий залиvistый смех.

На правах ближайшего соседа он был частым гостем в доме Нордстрёмов. Ему очень нравилась стряпня Катрины, и он явно увлекся Ингрид, которая

безжалостно им командовала.

Девочка обожала подшутить над отцом. И вот как-то раз она подговорила приятеля нарядить папину любимую корову.

Когда утром Лордор пришел на дойку, его лучшая телка Сэлли красовалась в соломенном капоре и клетчатом фартуке Катрины. Лордор уловил сдавленное хихиканье, доносившееся с сеновала, и притворился чрезвычайно огорченным:

– Ох, бедняжка Сэлли! Вот узнаю, кто это сделал, да зашвырну безобразника в хлев к Сладкой Картофелине, мало ему не покажется!

Конечно, он понял, чьих рук это дело, поскольку еще раньше засек озорников, с капором и передником выскочивших из дома.

За обедом Лордор поведал о происшествии Катрине и мисс Бимер. Андер, мальчик искренний и честный, вытаращил карие глаза и мгновенно сознался:

– Это сделал я, мистер Нордстрём. Я и придумал. Зашвырните меня в хлев, если желаете.

Взрослые невольно рассмеялись.

– Что скажете, мисс Бимер? – спросил Лордор. – Он ваш ученик. Стоит отправить его к Сладкой Картофелине?

Андер в страхе смотрел на учительницу, ожидая своей участи.

– Нет, мистер Нордстрём. Виновник сказал правду, и это подкупает. Я думаю, он заслуживает снисхождения.

Андер облегченно выдохнул.

– Ой, спасибо вам, мисс Бимер. Я ужасно боюсь эту свинью.

– Я с вами согласна, мисс Бимер, – сказала Катрина. – Вообще-то за честность ему полагается добавка сладкого.

Ингрид запыхтела.

– Я тоже хочу добавки!

– Нет уж, поздно, – сказал Тедди. – Ты упустила свой шанс.

– Я хотела признаться, но ты меня опередил. – Ингрид испепелила взглядом приятеля.

Она была та еще озорница. Однажды за ужином в лоб спросила мисс Бимер:

– Этот дылда Густав, что каждый день провожает вас до дома, он ваш сударчик?

Под столом Тедди ее пнул.

– Ингрид, прекрати! – одернула Катрина. – Это бестактно.

– А что в этом плохого? Вот Андер – мой ухажер, а Тедди увивается за Эльзой Бергсен.

– Ничего подобного! – возмутился брат. – Врет она, мисс Бимер, не слушайте ее.

Мисс Бимер улыбнулась:

– А что, Эльза, по-моему, очень милая девочка.

Дочкин вопрос Катрину смутил, однако она и сама о том задумывалась. Люсиль ей очень нравилась, и ее беспокоило, что у девушки нет друзей-ровесников.

Когда после ужина они вдвоем мыли посуду, Катрина извинилась за дочь:

– Вы уж простите, Люсиль, ее нахальство.

– Пустяки, миссис Нордстрём. Просто ей любопытно.

– Скажите, а у вас есть молодой человек? Я спрашиваю лишь потому, что вы можете не стесняться и приглашать его в гости.

– У меня никого нет. – Люсиль вытерла очередную тарелку.

– Значит, очень скоро кто-нибудь появится. Вы так хорошо ладите с детьми, из вас получится прекрасная жена и мать.

– Вы думаете? Спасибо на добром слове, но я, наверное, никогда не выйду замуж.

– Почему это?

Мисс Бимер вздохнула:

– Так мне кажется.

– Не зарекайтесь. И мне так казалось, но вот – извольте.

Тут раздался пронзительный вопль «Отстань, отстань!», в кухню влетела Ингрид, следом Тедди. Опрокидывая стулья, дети носились вокруг стола.

– Мам, она стащила мою тетрадку! – вопил Тедди.

– Не ври! – проверещала Ингрид и пулей вылетела в коридор.

– Сейчас же угомонитесь! – прикрикнула Катрина. – Не мешайте папе читать! – Она глянула на Люсиль и рассмеялась: – Пожалуй, в одиночестве есть своя прелесть. Хотя бы тихо.

В доме Свенсенов было не тихо. Уже давно Бёрди пыталась связать свитер – подарок Андеру на день рождения. Но ей постоянно мешали: то сынок, который вечно туда-сюда снует, то муж или батраки, которым всегда что-нибудь нужно.

И оттого последнее время она, отправляясь на кладбище, брала с собой корзинку с вязаньем. Покончив с поливом и обрезкой, Бёрди спокойно вязала. Так хорошо – сидишь на природе, вокруг никого, только птички поют.

Перебирая спицами, она думала о дне, когда кто-нибудь упокоится на этом холме. Пока что бог миловал – лишь разок Катрина напугала своей родильной горячкой. А так все живы-здоровы. И относительно молоды.

И вот однажды Бёрди подметила некую странность, которую отнесла на счет своего разыгравшегося воображение. Никак иначе. Однако странное чувство, что за ней наблюдают, не проходило. И она, знаете, не ошиблась. Так оно и было.

Телеграмма

1902

В городке Элмвуд-Спрингс на смену слякотным тропкам пришли деревянные тротуары, понемногу обустроивался настоящий деловой центр. Первым открылся магазин сельхозтоваров, потом кузница, аптека, мелочная лавка и бакалея, где задешево купишь и крекеры, и сыр, и пикули.

По субботам на Центральной улице было не протолкнуться от фермерских повозок и народа: женщины покупали материю на платья, мужчины – хозяйственную утварь. На входе в аптеку ребятишки лакомились мороженым, а в глубине зала мужчины (кроме преподобного Эдвина Уимсбли) угощались стаканчиком виски. Исключительно в лечебных целях. Потом покрасневшие мужчины, разогретые целительным снадобьем, усаживались на лавочку перед аптекой и рассуждали о женской болтливости. Они не понимали, отчего их жены томятся одиночеством сельской жизни и тоскуют по женскому обществу.

С соседками Катрина хорошо ладила и по четвергам охотно посещала вязальный кружок Бёрди Свенсен. Все были к ней очень добры, особенно после рождения детей. Однако она тосковала по своей матушке. Уже столько лет они не видались. Однажды, вернувшись домой, Лордор застал жену в слезах; узнав, в

чем дело, он взял ее за руки и сказал:

- Напиши ей, пусть приезжает. Будем жить одной семьей.

Вскоре пришла телеграмма, извещавшая, что мать, сестра Бригитта и брат Олаф переедут в Америку. Катрина была вне себя от радости.

Не прошло и трех месяцев, как она уже выпекала хлеб для встречи родных. Перед тем было много бумажной мороки, но Лордор все устроил. Наконец-то мама поживет в доме с обогревом и водопроводом. Не терпелось ее увидеть. Из сбережений, хранившихся в кофейной банке, родным послали деньги на дорогу. Лордор не нарадовался, видя жену такой счастливой.

Но тут пришло письмо:

Дорогая доченька,

Ты уж прости, но доктор сказал, что мой дряхлый организм не перенесет поездки в Америку. Пожалуйста, не печалься. Америка – для молодых, чьи молитвы еще не услышаны. А все мои просьбы уже исполнены. Вы, мои дети и внуки, никогда не изведаете голода. Спасибо за фото Ингрид и Тедди. Красивые детки. Малыш весь в папу. Думаю о тебе всегда.

С вечной любовью, твоя мама Ингрид Олсен.

А еще через день-другой принесли телеграмму: мама умерла.

Весть облетела городок, и все женщины пришли к Катрине. Сидели молча. Чтоб просто не оставлять ее одну.

Через полгода Катрина радовалась приезду брата и сестры, но радость эта слегка горчила, потому что с ними не было мамы. Восемнадцатилетняя Бригитта произвела фурор среди местных парней, очень скоро она вышла замуж за сына Эгстрёмов. Олаф, уже взрослый мужчина, тотчас нашел работу в бакалее и подкопил денег. С негласной помощью Лордора через год он перевез из Швеции

свою молодую жену Хельгу.

Разыгралась весна, и с нею фантазия юноши

Весной 1903-го возникла непростая ситуация с мисс Бимер и ее учеником Густавом Тилдхолмом. Восьмиклассник Густав дважды намеренно оставался на второй год. И Люсиль знала – почему. На уроках он не сводил с нее больших карих глаз, полных неподдельного обожания.

Густав даже писал ей любовные письма, в которых говорил о своем неистовом желании стать ее мужем. Она сама виновата, считала Люсиль. Слишком уж зависела от его помощи. Слишком уж с ним подружилась.

Она была всего на полтора года старше Густава, но никогда не смогла бы перешагнуть через определенные этические нормы. Вдобавок Люсиль была квакершей, господи помилуй. Брак с учеником породил бы скандал. Стоило об этом лишь заикнуться.

В конце концов она разбила Густаву сердце, сообщив, что в следующем учебном году ему нельзя появляться в классе, а равно провожать ее домой. Люсиль попыталась его урезонить и объяснить, что чувства его – всего лишь юношеская влюбленность. Это пройдет, уверяла она.

– Нет, не пройдет, – ответил Густав. – Скорее я умру. Вот увидите.

Он выскочил из класса и бросился в рощицу за школой, порог которой больше не переступит. Родные его говорили, он уехал в Калифорнию, но куда именно – не знали. Люсиль часто о нем думала – вернется ли он когда-нибудь? На комодке ее стоял цветок, вырезанный из соснового капа, – подарок Густава в первый год ее учительства.

Недавно кто-то сказал, что видел его у городского озера. Наверное, человек обознался. Густав непременно зашел бы повидаться.

Меж тем Элмвуд-Спрингс разрастался. Настоящий фармацевт Роберт Смит открыл новую современную аптеку, в конторе «Вестерн Юнион» расположился кабинет настоящего дантиста. В городе проложили рельсы, и теперь трамваем можно было доехать до озера и обратно.

А в большом мире новшества, похоже, случались ежедневно. Как-то в декабре Лордор решил постричься, и тут в парикмахерскую влетел телеграфист мистер Гуднайт, раскрасневшийся и взбудораженный.

– Боже мой, ребята... только что передали по телеграфу... В Северной Каролине автомобиль поднялся в воздух! Летящее авто!

Парикмахер замер, не добрив щеку клиента.

– Что?

– Братья Райт из Огайо построили машину с длинными крыльями по бокам. Она разгоняется, потом отрывается от земли и летит, как птица.

– Да разве это возможно?

– Не ведаю... так сказано в сообщении. Они изобрели какой-то мотор, способный взлетать. Не знаю, как это они умудрились. Еще сказано, в доказательство есть фотография.

– Человек летит по воздуху в крылатой машине – так, что ли?

– Да. Я пересказываю новость, что пришла минуту назад.

– По-моему, тут какой-то грандиозный розыгрыш. Или ты сам выдумал?

– Нет, все правда, клянусь. Ладно. Как-нибудь такая машина пролетит над нами, вот тогда увидите собственными глазами.

– Слушай, Джордж, но как этакая тяжеленная штуковина может оторваться от земли?

– А как каждый вечер всходит луна? Поди знай – как, но всходит же... Мне надо выпить, – сказал мистер Гуднайт. – Где тут у вас?

Из шкафа парикмахер достал бутылку:

– Черт... если это правда, выпить надо всем.

Слух разнесся молниеносно, на другой день все с нетерпением ожидали прибытия газеты. Когда прочли заметку о летающей машине и своими глазами увидели фотографию, Свар Линдквист задал вопрос, который в ближайшие годы будет возникать снова и снова:

– Что они там еще удумают?

Увидимся на ярмарке

1904

Сент-Луис

Хоть Лордор не получил надлежащего образования, он был человеком весьма прогрессивным, стремящимся развить себя и других. В гостинице он присел на край кровати и чрезвычайно серьезно взглянул на жену:

– Наверное, это важнейшее событие за последнее время.

Лордор говорил о Международной ярмарке, в 1904-м проходившей в Сент-Луисе, Миссури.

Как мэр, он способствовал тому, чтобы жители Элмвуд-Спрингс, кому поездка была по средствам, отправились в Сент-Луис. За тех, кто хотел побывать на ярмарке, но не мог осилить расходов, он заплатил из своего кармана. Мисс Бимер привезла учеников старших классов.

Газеты обещали, что ярмарка будет интересной и познавательной, но никто и помыслить не мог об этакой сногшибательной зрелищности. Народу съехалось со всего света. Жители Элмвуд-Спрингс просто онемели, впервые узрев огромный Электрический дворец, озаренный тысячами огней.

Лордор был прав – раньше ничего подобного никто не видел. А размах ярмарки! Один только Аграрный павильон занимал двадцать три акра. За два дня они увидели такое, что и во сне не приснится: живого китайца и эскимоса, слона, кино, младенцев в инкубаторе.

Лордор глянул на своих спящих умаявшихся детей и улыбнулся:

– Какое будущее их ожидает, Катрина! Еще сколько чудес впереди!

Поездка всех изменила. После всего увиденного народ, обитавший в своем тихом крестьянском мирке, уже не мог оставаться прежним. И всем верилось в лучшее будущее.

Вернувшись домой, на первом же городском совете Лордор заявил:

– Моя мечта – осветить наш город, навеки покончив с тьмой.

Сказано – сделано. После его многочисленных визитов в миссурийскую Энергетическую компанию озарились витрины магазинов на Центральной улице, а позже, как и было обещано, электричество провели во все городские дома. В 1906-м появились уличные фонари, и горожане устроили праздник, на который явились в своих лучших нарядах. Ингрид Нордстрём надела мамину шляпку, озорник Тедди пришел в огромных отцовских башмаках.

Лордор обожал своих детей и был в них уверен. Особенно в Ингрид. В отличие от брата, она любила коров и уже помогала на дойке. В кухонное окно Катрина смотрела, как Лордор вышагивает на летнее пастбище, а рядом семенит маленькая Ингрид, души не чаявшая в папе.

Лордор, конечно, ей потворствовал. Он даже купил дочке мальчишеский комбинезон и резиновые сапоги.

– Я хочу быть похожей на папу, – заявляла девочка.

Дети росли, рос и город. В 1907-м усилиями Бёрди Свенсен и других женщин в нем появился небольшой театр, где играли заезжие гастролеры и местные любители.

– Пусть мы живем в провинции, – говорила Бёрди, – это не повод, чтобы время от времени не приобщиться к культуре.

С этим все соглашались, однако последний спектакль, представленный «Шекспировской труппой», разочаровал. Тщедушному актеру в роли Гамлета стукнуло не меньше семидесяти.

Чего не увидишь глазом

Число учеников росло, и потому мисс Люсиль Бимер, съехав от Нордстрёмов, поселилась ближе к школе. Теперь она квартировала в пансионе миссис Молли Бэллантайн, где принимали одиноких женщин и мужчин, а также проезжих коммерсантов. Нынче мисс Бимер сидела в своей комнатке на втором этаже и проверяла тетради. Однако ей не работалось.

Люсиль открыла окно и выглянула на улицу. Стоял теплый летний вечер, просто чудесный. С веранды пахло цветущей жимолостью, из соседнего дома доносилась тихая музыка – у кого-то играл фонограф.

В такие вечера Люсиль часто вспоминала Густава: где-то он сейчас?

Все, взрослые и дети, обращались к ней «мисс Бимер», но в душе она была юной девушкой. Ей только-только сравнялось восемнадцать, когда она стала учительствовать.

Несколько лет назад одна матрона сказала, едва Люсиль сошла с поезда:

– Не волнуйтесь, дамы, эта чужих мужей не уведет. У нее большими буквами написано на лбу: «Учительша-вековуха».

Темные волосы, скотые в пучок, и тонкий длинноватый нос способствовали образу серьезной и очень правильной личности. Однако не вполне отражали истинную натуру Люсиль. За обликом ответственной учительницы пряталась романтическая девушка, страстно мечтающая о любви и приключениях.

Потаенные мечты о красивом незнакомце, который ворвется в ее жизнь и увезет в дальние края, поразили бы даже ее отца, филадельфийского священника. Неведомый красавец теперь все чаще обретал черты Густава Тилдхолма.

Кое-какие закоренелые холостяки, среди которых был мистер Глен Эрли, тенор церковного хора, приглашали ее на прогулки. Но эти мужчины не интересовали Люсиль. В разлуке с Густавом она все яснее понимала, кому отдано ее сердце. И задавалась вопросом, стоило ли так беспокоиться о людской молве, которая осудила бы учительницу, сбежавшую с учеником.

С веранды донесся громкий хохот кого-то из постояльцев, и Люсиль затворила окно.

Элмвуд-Спрингс, Миссури

Дорогая Анна Ли,

Спасибо за письмо. Спешу сообщить, что я по-прежнему жива-здора. Вот бы ты приехала в гости. Нынче у нас море нарциссов.

Дети растут не по дням, а по часам. Сынок очень славный, а дочка не перестает меня удивлять. В ее годы мы были совсем другие, ей-богу. Ингрид – настоящая американка. Летом загорает дочерна и бегаёт босиком, как мальчишка. Лордор говорит, верхом на муле она ездит лучше парней. Он ею очень гордится. Давеча взял с собою на большой скотный торг в Канзас-Сити. Говорит, дочка разбирается в коровах лучше многих фермеров.

Знаешь, я по тебе скучаю и часто вспоминаю нашу жизнь в Чикаго. Что бы я без тебя делала, дорогая моя подруга?

Ну, заканчиваю, пора кормить кур. Теперь у нас их целая уйма, а одну красавицу, очень крупную, белую и перистую, в твою честь я назвала Анной Ли. Ты бы ею гордилась. Она несет много яиц, и все петухи-здоровяки в нее влюблены.

Целую, Катрина.

P. S. Посылаю фото Ингрид и Тедди.

Чикаго

Дорогая Катрина,

Извини, что задержалась с ответом. Спасибо за письмо и фотографии детишек. Ингрид все больше похожа на тебя.

Я цвету и пахну. Кстати, о петушках, я тут одного такого подцепила. Он итальянец и слегка неотесан, но у него огромные мечтательные глаза. И ему очень нравятся блондинки. Так что не удивляйся, если вдруг я стану богачкой. Он занимается производством дорожкой выпивки. Опаньки! Недавно подарил мне чудную белую шубку. Кто его знает, следующее письмо я могу подписать уже как миссис Джонни Зенелла. Пожелай мне удачи и от меня погладь ту курицу.

Анна Ли.

P. S. КОГДА СОБЕРЕШЬСЯ В ГОСТИ?

Это ты?

1908

В десятом часу вечера в комнату Люсиль постучали.

– Мисс Бимер, вам звонят по межгороду, – сказала хозяйка пансиона миссис Бэллантайн. – Мужчина.

Люсиль уже сколола волосы и улеглась в постель, но теперь поспешно вскочила, накинула халат, влезла в тапочки и по лестнице сбежала к телефону в вестибюле. Дождавшись ее, миссис Бэллантайн передала ей трубку и удалилась к себе, чтобы не мешать разговору.

– Алло, я слушаю, – сказала запыхавшаяся Люсиль. – Алло?

В трубке молчали, только где-то далеко играла музыка.

– Слушаю... – повторила Люсиль. – Густав... это ты? Алло, я слушаю...

Опять молчание, а затем неведомый абонент дал отбой.

Миссис Бэллантайн вышла из своей комнаты:

– Кто звонил?

– Не знаю. Этот человек не сказал, откуда он звонит?

– Нет, только спросил вас. Похоже, он был слегка нетрезв.

– Может, еще перезвонит?

– Если надумает, желательно, чтоб это было в приличное время.

Мисс Бимер подождала у телефона, но никто не перезвонил.

В перчаточном отделе

Конечно, это вышло не нарочно. Мисс Бимер встретила матушку Густава совершенно случайно. Просто в один день обе отправились за покупками в Спрингфилд. Они перебросились парой фраз о том о сем, примерили несколько пар перчаток, и тогда мисс Бимер как бы между прочим задала вопрос, тщательно запрятав его в праздную болтовню, дабы он выглядел совсем для нее не важным.

Люсиль натянула серые лайковые перчатки и, разглядывая их, поинтересовалась:

– Как вам такие, миссис Тилдхолм? Что-то меня смущают эти кнопки. А как там Густав? Что-нибудь о нем слышно? – Она повертела руками и сдернула перчатки: – Нет, все-таки слишком вычурно.

Люсиль ждала ответа, сердце ее колотилось.

– Да, верно, кнопок перебор... – сказала миссис Тилдхолм, глянув на перчатки. – Густав-то? – Она вздохнула и покачала головой: – Ох уж этот Густав! Умотал в Орегон, работает лесорубом в каком-то крупном хозяйстве. Говорит, заколачивает большие деньги, а я мечтаю, чтоб хоть на денек он приехал домой. – От неожиданной мысли глаза ее вспыхнули: – Мисс Бимер, окажите неоценимую услугу, а? Густав очень вас уважал. Напишите ему, чтоб приехал нас проведать. Вдруг он вас послушает? Нынче молодежь сама себе голова. Родители им не указ, так, может, к учителю прислушаются? Напишите? Вот адрес.

На другой день Люсиль села за столик в своей комнате, взяла ручку, обмакнула перо в пузырек с чернилами и, чуть помешкав, написала:

Дорогой Густав,

Привет из Элмвуд-Спрингс. Я надеюсь, у тебя все хорошо. Твоя матушка говорит, ты работаешь лесорубом. Это замечательно, прямо как в романе Джека Лондона. У тебя ясная голова. Я не сомневаюсь, ты находишь время для чтения...

Она смяла листок и взяла новый.

Дорогой Густав,

Привет от давней знакомой. Твои родители по тебе сильно скучают, и потому...

Милый мой Густав,

Прими запоздалый привет от своей бывшей учительницы Люсиль Бимер...

Дорогой Густав,

С нашей последней встречи прошло много времени, но я часто и очень тепло тебя вспоминаю. Интересно, а ты...

Дорогой Густав,

Мне очень жаль, что наш последний разговор вышел таким огорчительным. Пожалуйста, пойми, что мое положение...

Люсиль отложила ручку Господи, что она делает? Густав не ребенок. Он взрослый мужчина. И не нуждается в указаниях – дескать, пора бы проведать матушку. У него новая захватывающая жизнь, он, наверное, даже не вспомнит, кто это ему пишет. Вот так вот запросто обращаться к бывшему ученику совершенно недопустимо. Скорее всего, его озадачит писанина глупой старой

девы, когда-то его учившей. Он посмеется и покажет письмо приятелям.

Люсиль попыталась выразить свои чувства в словах, но, увидев их на бумаге, осознала всю безнадежность ситуации. У Густава своя жизнь. И с этим ничего не поделаешь, только выставишь себя полной дурой. Теперь она поняла, что жила с выдуманной мечтой: в один прекрасный день Густав вернется и скажет, что по-прежнему ее любит.

Тут постучали в дверь:

- Мисс Бимер, это Соня, экономка. Мусор не надо вынести?

- Да, минутку, входите. - Люсиль бросила последний скомканный листок в почти доверху полную плетеную корзинку и вручила ее уборщице: - Вот, пожалуйста.

Соня опростала корзинку в мусорный бак:

- Проверяете контрольные работы?

- Что? А, да.

- Понятно. Как говорится, учительской работе нет конца-краю. Детишки-то всё нарождаются, верно? Благослови вас Господь за ваши труды. На будущий год и мой малыш пойдет в школу.

- Да, я знаю, с нетерпением жду нашей встречи.

- Ну, до завтра. - Соня вышла в коридор, а Люсиль с пустой корзинкой в руках так и сидела за столом. Она смотрела в окно, но видела ожидавшую ее одинокую жизнь, которую заполняют только ученики.

Четвертое июля

1909

Как обычно, в этот день женщины готовили праздничный стол, а мужчины и мальчишки самозабвенно метали подковы. Вдруг из толпы игроков вознесся восхищенный рев. Катрина удивленно оглянулась. Дочка Ингрид, единственная девочка в игре, вновь сделала превосходный бросок.

В ее возрасте Катрина была совсем другая. Ингрид очень независимая. Поди знай, чем она займется в жизни. Американка в первом поколении, а мир меняется. Даже прошел слух, будто женщины получают право голоса, что Лордор горячо поддерживал.

– Если всякий забулдыга, пропивший мозги, голосовать может, почему нельзя женщинам? – говорил он.

Лордор радовался дочке, а вот сосед Генри Нотт огорчился, что в семье его одни девочки. Он частенько делился мечтой о наследнике, которому мог бы передать ферму.

Лордор тоже был бы рад передать дело сыну, но Тедди не пылал интересом к молочной ферме. Наверное, он пошел в мать, потому что увлекся выпечкой и мечтал когда-нибудь открыть собственную пекарню. Лордор ничуть не возражал. В Швеции именно мужчины лучшие пекари. Он даже купил сыну пекарский колпак. Лордор просто хотел счастья своим детям. Он понимал: коров или любишь, или нет.

Все эти годы ферма его процветала. Дела шли настолько хорошо, что Лордор еще увеличил стадо и построил четыре новых коровника. Он и сам не знал, в чем секрет его успеха. Может, в особой миссурийской земле или отменном кормовом клевере. Либо в породистых коровах. В любом случае все признавали, что у Лордора самые вкусные молоко и сыр. И он решил назвать свою ферму Сыроварня «Сладкий клевер».

Если Тедди не проявлял ни малейшего интереса к молочному бизнесу, этого не скажешь о его соседе, пятнадцатилетием Андере Свенсене. Для него Лордор был кумиром. Многие считали Нордстрёма лучшим молочником штата, и Андер хотел во всем походить на него.

Ларс Свенсен попросил своего лучшего друга взять Андера под крыло и обучить основам молочного ремесла. Лордор охотно согласился. Андера он любил – парнишка открытый, способный и трудолюбивый. И Андер поселился у Нордстрёмов, о чем ни секунды не жалел. Он был рад бок о бок работать с Лордором. Была и другая причина для радости. Красивая девочка Ингрид.

Чикаго

Очередное письмо от Анны Ли таило весьма неожиданный сюрприз.

Дорогая Катрина,

У меня новость. Я познакомилась с мужчиной, которого зовут Карл Йоханссен. Этот огромный швед-молчун владеет зерновой фермой в Висконсине. В Чикаго столько шикарных парней, а меня угораздило втюриться именно в него, это ж надо? Можешь смеяться, если угодно. После всех моих высказываний о фермерах никто тебя не осудит.

Как бы то ни было, он сделал мне предложение, и я согласилась. В конце месяца твоя подруга переедет из большого города в Висконсин.

Люблю тебя, Анна Ли.

Орегон

На лесоповале в окрестностях Портленда высокий симпатичный мужчина двадцати пяти лет получил письмо от матери. Оно плутало около месяца, разыскивая адресата в лесных чащах.

Дорогой Густав,

Спасибо от меня и отца за последний денежный перевод. Ты так добр к своим стареньким родителям. Мы по тебе скучаем, сынок. Видел бы ты, как изменился наш город. Магазины занимают целый квартал, а еще поговаривают о строительстве масонской ложи и новой методистской церкви.

Нынче лето выдалось на славу. Мы купили еще одного теленка, чему несказанно рады. Старая ферма Линдквиста, о которой ты спрашивал, все еще не продана. Я довольна, что работа тебе нравится и дела идут хорошо. Здесь все о тебе спрашивают. Все наши родичи и даже твоя бывшая учительница мисс Бимер, которая тебе так нравилась, – при каждой нашей встрече непременно о тебе справится. Намедни Бёрди Свенсен сказала, что мисс Бимер собирается замуж, и я за нее очень рада. Она такая милая. Ходят слухи о постройке новой школы, но я буду грустить по старой. Приезжай поскорее. Мы с отцом не молодеем.

Твоя любящая мама.

P. S. Крышу мы починили.

Вечером один лесоруб спросил приятеля на соседней койке:

– Что это с Тилдхолмом? Все читает и перечитывает письмо.

Бёрди Свенсен не была сплетницей. Она просто получила неверную информацию. Слух пустил городской ювелир, у которого Глен Эрли приглядывал обручальные кольца. Позже Молли Бэллантайн все разъяснила:

– Нет, Люсиль не помолвлена. Я знаю точно, она отказала мистеру Эрли, причем дважды.

– Ай-ай-ай, – расстроилась Бёрди. – Я, значит, приняла желаемое за действительное.

В конечном счете мистер Эрли женился на своей семиюродной сестре Айрис Лавлесс; потом супруги переехали в Саммит-Фолс, Миссури, и стали унитарийскими священниками.

Миссис Тилдхолм и в голову не пришло послать вдогонку письмо с поправкой. Она не знала, что это важно.

Печальные дни

У Лордора Нордстрёма золотое сердце, говорили все, кто его знал. Дважды он чуть не лишился фермы, потому что выплачивал долги соседей, попавших в беду. Однако врач вынес приговор: сердце это понемногу отказывает. Сраженная мыслью о возможной потере, Катрина ни на шаг не отходила от мужа. Сперва детям ничего не сказали, но Лордор все больше слабел и уже не мог работать. А потом вообще оказался прикован к постели.

Он понимал, что дни его сочтены, и хотел оставить семью в достатке. Ни Катрина, ни Тедди не справились бы с огромным хозяйством, а Ингрид мечтала о колледже. На семейном совете решили ферму продать.

Когда среди молочных фермеров прошел слух о продаже Сыроварни «Сладкий клевер», более чем щедрое предложение хлынуло со всех сторон и даже издалека.

Юный Андер Свенсен, близкий семейству Нордстрёмов, наскреб что только смог (занял у отца, взял банковскую ссуду) и тоже вступил в торг. Он понимал, что его предложение сильно уступает прочим, но выше головы не прыгнешь.

День за днем Лордор выслушивал планы по управлению фермой. Состязатели подробнее рассказывали о новых методах увеличения надоя от каждой коровы.

Однажды утром Лордор позвал Тедди, возившегося в кухне:

– Сынок, сгоняй на ферму и привези сюда Андера.

- Ладно.

Тедди верхом поехал к коровникам, отыскал Андера и передал приказ немедленно явиться к отцу. Андер оставил дела, но спросил, чем вызвана такая срочность.

- Не знаю, - сказал Тедди.

Вскоре Андер, как был в заляпанных резиновых сапогах, вошел в дом. Сдернул шляпу и постучал в спальню Лордора.

- Входи и закрой дверь.

- Хорошо, сэр.

Андер прошел к стулу возле кровати. Он отметил сильную бледность своего наставника.

Лордор подтянулся и сел.

- Знаешь, вот смотрю я на другие фермы и ничего хорошего не вижу. Так вести дела негоже.

- Верно, сэр, - кивнул Андер.

- Моим коровам нужен заботливый уход.

- Да, сэр.

Лордор посмотрел на юношу:

- Вот почему я решил продать ферму тебе.

- Что? - опешил Андер. - Но, мистер Нордстрём...

– Никаких споров. – Лордор вскинул руку. – Ты единственный, кому я могу ее доверить спокойно. И ты это заслужил.

– Как же так, мистер Норд стрём... вы всему меня обучили...

– Вот и прекрасно. Только я хочу, чтобы ты кое-что обещал... Это останется между нами, понятно?

– Что, сэр?

– Обещай, что ферма и коровы всегда будут принадлежать нашим семьям. Ты не продашь их никому чужому. Обещаешь?

– Да.

– Когда-нибудь ты это запишешь в своем завещании... чтобы все так и было даже после твоей кончины, согласен?

– Жизнью своей клянусь, сэр, – торжественно ответил Андер.

Лордор улыбнулся и откинулся на подушку.

– Вот и хорошо. Теперь извести других.

Домашние обрадовались решению Лордора. Свенсены были их лучшие друзья, а с Андером они почти сроднились.

Когда новость облетела город, жители вздохнули облегченно. Всем была невыносима мысль, что фермой Лордора завладеет чужак. Ведь сколько сил и труда в нее вложено, чтоб она обрела свой нынешний вид. За все эти годы Сыроварня «Сладкий клевер» стала частью каждого горожанина.

Пожалуй, это лишь правомерно, что через две недели Лордор Нордстрём первым упокоился на «Тихих лугах». Согласно давней планировке, его похоронили в

центре кладбища под раскидистым дубом.

ЛОРДОР НОРДСТРЁМ

1852-1911

Добрый и честный человек

Светлая память

Перемена адреса

Родные тосковали по Лордору, а город будто осиротел, лишившись своего первого мэра. В иных общинах назначили бы новые выборы. Но жители Элмвуд-Спрингс единодушно решили избежать мороки. Они просто известили Тедди, которому недавно исполнилось двадцать, он – их новый мэр. Все уже привыкли говорить «мэр Нордстрём» и не хотели переучиваться. Народ тяжело переживал утрату. Все были на похоронах, но все еще не верили, что Лордора больше нет. И отчасти в том были правы.

Вскоре после похорон произошло нечто странное. Лордор Нордстрём пробудился. Он вполне сознавал, кто он такой. Мог думать и вспоминать. Видел синее небо в облаках и слышал птичье пение. Кроме того, он чувствовал необычайную легкость и дышал свободно. И все вокруг дышало свежестью. Земля, трава, цветы. В душе царили покой и умиротворение.

Где это он? В раю? Он мертвый или живой? Лордор поднял взгляд и, увидев над собой старый дуб, понял, где он сейчас. В собственной могиле на кладбище «Тихие луга». Он умер, спору нет. Однако не сгинул.

Какой приятный сюрприз. Скажи кто об этом, он бы в жизнь не поверил, но вот – извольте. Он понятия не имел, как и почему это произошло. Но еще никогда ему

не было так хорошо. Лордор глубоко вздохнул и вновь погрузился в долгую освежающую дрему.

После кончины наставника Андер просил его семью не покидать ферму Но Катрина и дети решили на деньги, вырученные от продажи хозяйства, купить дом в городе. У Катрины ухудшалось зрение, да и потом, без Лордора все было не так. Родным его ужасно не хватало. Особенно Катрине. На ферме все о нем напоминало. Казалось, наступит вечер и он войдет в дом, вернувшись с работы. Но он не входил, и тогда пронзало болью. Потеря мужа и подступающая слепота подтолкнули Катрину написать письмо:

Родная моя Ингрид,

Если со мной что случится, пусть этот платок станет твоим. Мне он достался от твоей бабушки и теперь переходит к тебе, так что береги его. Сохранилось так мало вещиц с прежней родины. Я надеюсь, когда-нибудь ты побываешь там, где я выросла.

Мамины рецепты я оставляю Тедди. Ты, наверное, не против? Как говорил папа, выпечку или любишь, или нет. А Тедди ее любит.

Ты же знаешь, что папа тобой очень гордился. И я горжусь. Ты моя американочка. Еще здесь одежки, которые Бёрди Свенсен связала для вас маленьких. Они мне очень дороги, я так и не смогла их выбросить.

С неизменной любовью, мама.

Закончив письмо, Катрина приготовила сверток и убрала его в надежное место.

Освоившись на «Тихих лугах», Лордор преисполнился небывалым довольством собой. Из его новой обители вид открывался чудесный. Он и впрямь выбрал прекрасное место, и теперь ему не терпелось, чтобы другие, составив ему компанию, разделили его мнение. Конечно, он старше Катрины, какое-то время придется подождать, и пока он один наслаждался далеким мычанием коров на

пастбище, петушиным криком, тихим рокотом тракторов на полях и воскресным перезвоном церковных колоколов. Родные звуки.

Оказалось, это очень приятно – избавиться от беспокойства за ферму и все свое время посвящать отдыху и размышлениям. Лорддор ничуть не страдал от одиночества. По праздникам он принимал множество гостей. Радовался приходам Катрины с детьми, ахал, как выросла Ингрид. Поначалу Лорддор пытался с ними поговорить, но понял, что они его не слышат. К счастью, он-то их слышал и потому всегда был в курсе интересных событий. Было приятно узнать, что люди его не забыли.

Вот на прошлой неделе заглянул Андер Свенсен, сел у могилы и поведал о своих нововведениях на ферме, выразив надежду, что наставник их одобрил бы. Лорддор одобрил. Андер – толковый парень.

Жизнь продолжается

1915

Элмвуд-Спрингс все больше расцветал. Два грека, братья Морган, открыли настоящий универмаг, торговавший новинками мужской и женской моды. Олаф, брат Катрины, получил место в обувном отделе.

Отдавая дань современности, старый театрик переоборудовали в кинозал. Наняли киномеханика, привезли пианино, и Бёрди Свенсен, игравшая на церковном органе, взяла на себя роль тапера. Ее музыкальное сопровождение усиливало впечатление от любовных сцен и эпизодов погони в немых фильмах.

Кино открыло новый мир фантазии. Вскоре все девочки хотели быть как Мэри Пикфорд или женщина-вамп Теда Бара. После того как в город привезли «Опасные похождения Полины» с Перл Уайт в главной роли, Ингрид Нордстрём упросила мать купить ей бриджи и сапоги, как у героини фильма.

Парни, очарованные приключениями звезды немого кино Тома Микса, разъезжали на отцовых мулах, воображая, что и они, как «король ковбоев» на

чудо-коне по кличке Тони, в округе выискивают злодеев.

Потом первый восторг перед синематографом угас и все вернулось в свою колею. Ребятишки учились, народ женился, младенцы рождались.

Элнер Нотт и Беатрис Олсен, племянница Катрины, пошли в первый класс. Старшая дочь Ноттов Элнер, веселая, для своих лет крупная девочка, отличалась добрым нравом. В первый учебный день она пришла в мешковатом домотканом платье, в руках у нее была огромная оловянная коробка с завтраком.

Маленькую изящную Беатрис нарядили в новенькое готовое платье с кружевным воротничком и белые кожаные башмаки на кнопках. Олаф отвел ее в школу и из рук в руки передал мисс Бимер. Но Беатрис, впервые оказавшись в незнакомой обстановке, пугалась и нервничала.

В большую перемену она села на скамью в сторонке и заплакала. Ей хотелось домой. Элнер заметила одинокую девочку и, прихватив свою оловянную коробку, под села к ней.

– Если не выдашь, я открою тебе секрет, и он будет нашим, – помолчав, сказала она. – Только сначала перестань реветь.

– Какой секрет? – сквозь слезы спросила Беатрис.

– Обещай, что не проболтаешься.

Беатрис шмыгнула носом и кивнула:

– Обещаю.

Элнер медленно подняла крышку с просверленными дырочками:

– Гляди.

Вытянув шею, Беатрис заглянула в коробку. Там была синяя мисочка, в которой сидел пушистый желтый утенок.

- Его зовут Пит, - сказала Элнер. - Если хочешь, можешь его погладить.

Беатрис провела пальцем по пуховой головке:

- Ой, какой милый!

- У нас дома полно утят и цыплят. Еще есть крольчата.

- Правда?

- Ага. Хочешь печенье? Там пять штук под салфеткой. Я немка, а немцы едят много. - Элнер протянула бисквит: - На, угощайся. У меня есть и джем.

Они съели все бисквиты, потом снова погладили утенка.

- А я умею делать кувырок, - сказала Элнер. - Хочешь, покажу?

- Хочу.

Элнер кувыркнулась, отчего платье ее задралось, выставив на обозрение белые панталоны. Беатрис засмеялась.

Она уже ничего не боялась, когда по колокольчику мисс Бимер вернулась в класс. Девочки сами еще не знали, что отныне навсегда стали подругами.

Вроде бы все шло своим чередом, однако весной 1916-го мужчины Элмвуд-Спрингс почуяли неладное, хоть толком не поняли, в чем дело. Жены как-то странно на них поглядывали. И часто перешептывались.

Вскоре среди бела дня женщины стали устраивать секретные встречи в задней комнате аптеки. Собравшись, они запирали дверь, а жена аптекаря Хэтти Смит вставала на входе часовым. Когда муж ее Роберт деликатно осведомился, что там происходит, Хэтти коротко ответила:

– Тебя не касается.

Мужчинам было невдомек, что в аптеке собирается новое отделение Суфражистского клуба.

Бёрди Свенсен, подписчица журнала «Миссурийская женщина», распространила среди подруг статью о женском избирательном праве. В мире шла борьба, и Элмвуд-Спрингс, хоть был невелик, не желал оставаться в стороне.

Бёрди переписывалась с президентом Ассоциации суфражисток в Сент-Луисе, которая уведомила, что в июне произойдет нечто очень важное. Она также предупредила о возможной опасности, но женщины Элмвуд-Спрингс единодушно решили встать плечом к плечу, когда будет брошен клич. Пусть их немного, они твердо намерены занять свое место в истории, невзирая на любые последствия.

Через какое-то время мужья, вернувшись с работы, вдруг видели, что жены их затворились в комнатах для рукоделия и трудятся над чем-то неизвестным. Они не знали и знать не желали, чем заняты их супруги, их волновало, что на столе нет ужина. Например, Генри Нотт был крайне раздосадован тем, что ровно в шесть вечера не получал лапшу с подливкой и шницель.

14 июня 1916 года в Колизее Сент-Луиса, крупнейшем в стране зале заседаний, открывался Общенациональный съезд Демократической партии. В городе царил праздничное настроение, все дома были украшены красными, белыми и синими стягами. Делегаты съехались со всей страны.

Когда утром они высыпали из гостиниц и по центру Локуст-стрит зашагали к залу собраний, их ждал большой сюрприз: по обеим сторонам улицы стояли сотни молодых и старых женщин в длинных белых платьях, у каждой в руках желтая парасоль, через плечо ярко-желтая лента с надписью ПРАВО ГОЛОСА ЖЕНЩИНАМ. Строй женщин со всех концов страны, растянувшийся насколько хватало глаз, был неподвижной и безмолвной демонстрацией солидарности.

Что и говорить, зрелище впечатляло. Делегаты шли под взглядами женщин, так похожих на их жен и матерей. Некоторые покачнулись в своей позиции по вопросу женского избирательного права. И этого удалось добиться без единого

слова.

Двенадцать жительниц Элмвуд-Спрингс в длинных белых платьях, наискось перехваченных желтыми лентами, вместе с женщинами со всего света гордо стояли на Голден-лейн, держа в руках самодельные желтые зонтики.

Там были Бёрди Свенсен, Нэнси Нотт и ее дочка Элнер. Вместе с Ингрид там стояла полуслепая Катрина Нордстрём, которую приходилось вести под руки. Они знали, что Лордор ими гордился бы.

Несмотря на благородную цель приезда, эти женщины не собирались отказывать себе в удовольствиях Сент-Луиса. После демонстрации все вместе они пошли в кино, где посмотрели «Водоворот жизни» с Айрин и Верноном Касл. Прическа Айрин их просто сразила. На другой день в гостиничной парикмахерской шесть представительниц Элмвуд-Спрингс сделали себе стрижку «боб». Первой постриглась Нэнси Нотт, за ней Ингрид, а следом – семидесятидвухлетняя матушка Лили Тилдхолм, заявившая, что смерть как хочет обучиться танцу «индюшачий шаг».

Увидав женину стрижку, Генри Нотт едва не окочурился:

– Мамочка, где твой пучок?

– С пучками мы распрощались в Сент-Луисе. А что?

По взгляду жены Генри понял, что тему лучше не развивать.

– Просто спросил.

На другой день в парикмахерской он поделился с приятелями:

– Мы обречены, ребята. Бабы наши взбесились, словно телки в пургу. Поди знай, что они еще удумают. А у меня их четыре штуки. Не исключено, что ради золотых зубов сонного меня прирежут.

Конечно, никаких золотых зубов у него не было. Просто он любил слегка приукрасить.

Воссоединение

В декабре 1916-го Катрину Нордстрём, уже ослепшую совершенно, унесла скоротечная чахотка; похоронили ее рядом с мужем.

КАТРИНА ОЛСЕН НОРДСТРЁМ

1865-1916

Прибыла чужой,

почила среди друзей

Катрина открыла глаза, когда над ухом раздался голос мужа:

- Катрина, ты меня слышишь?

- Ты мне снишься, Лорддор?

- Нет, милая. Вот он я.

Долгожданное счастливое воссоединение свершилось.

- Ой, прямо не верится! - выдохнула Катрина. - Какая прелесть вокруг!.. Я снова вижу... изумительное небо, облака, звезды... Я даже не припомню такой красоты...

- Ну что, хорошее место я выбрал?

- О да.

- До чего же я рад, что мы снова вместе!

- Я тоже.

- Я скучаю по детям, но знаешь, о чем я просто истосковался?

- Нет. О чем?

- О наших беседах. Слушал бы тебя бесконечно.

Чудный миг. Они вдвоем и вновь безмерно счастливы. И тут вдруг чей-то голос произнес:

- Здорово, робятки!

- Это еще кто? - вскинулся Лордор.

- Покойник Эвандер Дж. Чапмэн, - ответил скрипучий мужской голос.

- Где вы?

- Да эвон, слева от вас.

- Господи боже мой! Давно вы здесь?

- С июня 1854-го. Как оно, давно?

- Изрядно. А чего вы раньше-то молчали?

- Так оно вишь ты как, мистер, вы ничего не говорили, ну и я помалкивал. По правде, я и не ведал, что могу говорить, покуда не услышал, как вы здоровкаетесь с вашей хозяйкой, - сказал незнакомец и вежливо добавил: - Мое почтение, мэм.

– Здравствуйте, мистер Чапмэн, – ответила Катрина. – Меня зовут Катрина Нордстрём, а это мой муж Лордор.

– Наше вам, мистер Нордстрём. Польщен знакомством.

– Здравствуйте.

– Так вот, сэр, в 54-м охотился я тут на бобра и ондатру, да напоролся на индейца. С той поры я здесь и очень рад обществу. А вы как сюда попали? Меня-то стрела проткнула, прям вот сквозь печенку прошла.

– Ох, какой ужас, мистер Чапмэн! – посочувствовала Катрина.

– Да уж, мэм. Индеец тот подкрался, стрельнул и был таков, а нашел меня мой напарник, старый канадец из Квебека. Лежу я подстреленный да оскальпированный, глянул он на меня и грит: ты давай, мол, помирай с концами, а я через день-другой вернусь и тебя похороню. И ушел. Ох и костерил же я его! Струсил, сволочь, бросил меня на растерзание грифам. Не зря я ему не доверял, пьяни подзаборной. Но старый этот канадец выказал себя истинным христианином и очень мне услужил. Слово сдержал – вернулся и честь честью похоронил меня на этом холме, даже какие-то слова сказал. Он был французский канадец, так что я ничего не понял... Наверное, просил не сердчать на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Elmwood – вязовый лес, Spring— источник, родник (англ.). – Здесь и далее примеч. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/fenni-flegg/o-chem-ves-gorod-govorit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)